

Айлин Лин

СЧАСТЬЕ

ИЗ ДРУГОГО МИРА

Айлин Лин

Счастье из другого мира

Серия «Артефакторы», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68918475

SelfPub; 2023

Аннотация

Всегда верила в сказки, сколько бы лет мне ни было...И вот такое чудо произошло и со мной: шанс прожить жизнь ещё раз. Но стартовые условия несколько подкачали: отец забыл, что у него есть дочь, которая нуждается в его совете, мачеха-злюка, жаждущая продать меня подороже замуж, и её сыночек-оболтус, не дающий мне прохода. И, как вишенка на торте – наша семья на грани разорения...И теперь именно мне предстоит разобраться, что со всем этим делать.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	12
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	34
Глава 5	41
Глава 6	49
Глава 7	57
Глава 8	65
Глава 9	76
Глава 10	84
Глава 11	92
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Айлин Лин

Счастье из другого мира

Пролог

– Ты веришь в сказки? – спросил меня шестилетний внук.

– Да, конечно, дорогой, – мягко улыбнулась ему, – если в них не верить, то не стоит и мечтать.

Ванюша о чём-то задумался.

– То есть Илья-Муромец на самом деле сражался с Соловьём-Разбойником, а смерть Кощея на конце иглы? Значит, домик Бабы-Яги действительно стоит на курьих ножках, а щука может исполнить три самых заветных желания?

Его глаза лукаво поблёскивали.

– И ты обязательно поможешь любимому богатырю победить злодея.

– Я?! Как?! – малыш практически подпрыгнул от нетерпения и любопытства.

– Глазки закрывай, баю бай... – тихонько пропела в ответ, аккуратно поправляя одеяло.

– Нуу... – внук только хотел заканючить, но всё же сладко зевнул, крепче прижимая к груди любимую игрушку.

– Богатырю нужна помощь, и без тебя ему не справиться, –

легонько чмокнула засыпающего малыша в теплую щёчку. – В царстве снов отыщешь меч-кладенец ...

– Змею Горынычу не уйти...

С умилением взглянула на спящего внука. Приткнула краешек одеяла и тихо вышла из детской. Безумно хотелось кофе, и я не стала себе в этом отказывать. Хотя, кто пьёт кофе на ночь глядя?

Я пью и это никогда не мешало мне быстро погрузиться в крепкий сон. Родители Вани скоро придут, глянула на массивные напольные часы: половина одиннадцатого ночи, как раз одну чашечку успею выпить в тишине и спокойствии.

Вздохнула, направляя стопы на свою уютную кухню. Странное ощущение... давно не чувствовала себя такой уставшей конце дня.

Наполовину пустой чайник показался каким-то неестественно тяжёлым. В груди слева слегка закололо.

«Совсем ты себя не жалеешь, Марь Иванна» – подумала про себя, крепче обхватывая ладонью ручку чайника, стараясь унять боль.

Не люблю врачей. Бесконечное столпотворение в поликлинике, раздражённые старушки, занимающие заветную очередь чуть ли не за несколько часов до начала приёма...

За свои почти шесть десятков лет никогда не жаловалась на проблемы со здоровьем. Даже не помню, когда в последний раз болела простудой. Работа ведущим мастером на заводе, хоть и нелёгкая, но всегда была в радость и, кажется,

закалила не только мой характер – любые болячки, будь то обычный насморк или гнойная ангина, просто обходили стороной.

– Сильная женщина, ничего не скажешь, – не удержалась я, хмыкнув вслух.

Тем временем ноющее покалывание усиливалось.

– Да что же это такое, – поставив чайник на плиту, потёрла руку. – И душновато как-то стало, – приоткрыла окно и в помещение тут же влетела ночная прохлада, смешанная с запахами ранней весны. Пара глубоких вздохов, и боль чуть отступила.

– Кажется, я становлюсь чересчур мнительной, – пробормотала под нос, засыпая чайную ложку растворимого кофе в глубокий стакан, – вот выйду на пенсию, тогда и буду проводить всё свое время в больницах при любом чихе, а сейчас некогда болеть.

От яркого кофейного аромата приятно защекотало в носу.

Взглянув на приглушённо горящий фонарь за окном, сделала маленький глоток крепкого терпкого напитка, и зажмурилась от удовольствия.

В этот момент то самое покалывание, о котором я предпочла благополучно «забыть», вдруг молнией пронеслось от центра груди по всему телу, заставляя меня резко согнуться пополам...

Повезло уронить стакан с кофе в раковину. Не дай Бог Ванюшка проснётся и испугается, мелькнула заполошенная

мысль. Из рта вместо пронзительного крика вырвался приглушённый стон – мне стоило невероятных душевных и физических сил не заорать.

Пока мозг судорожно пытался понять, что происходит, сердце судорожно колотилось, словно стремясь прорвать грудную клетку насквозь.

По телу побежал липкий холодный пот, грудины сдавливало раскалёнными тисками, а меня всё сильнее накрывала паника. От недостатка кислорода ноги стали ватными, и я попросту рухнула на пол, ударившись плечом о край стола.

Дышать становилось всё сложнее, сознание плыло...

«Неужели я умру?», – панически пронеслось в голове. Страх смерти накрыл с невероятной силой, и без того страдающее сердце ёкнуло особенно сильно. Новая волна жгучей боли накрыла так, что я попросту провалилась в никуда.

Я до смерти боюсь темноты. Ещё с самого детства, оказываясь в полумраке, меня накрывала такая паника, что моей маме не оставалось ничего, кроме как оставлять включённым ночник до самого утра.

И вот она тьма – окружает меня плотным коконом, но каково же было моё удивление, что привычный детский страх не спешил приходить. Сердце стучало ровно, спокойно. Никакой сдавливающей боли и нехватки воздуха.

Какое интересное ощущение... На смену панического страха пришёл невероятный покой. Даже моргать было лень.

И я попросту закрыла глаза, наслаждаясь необычным состоянием невесомости и спокойствия. Как бы это описать... Казалось, словно тело лежит в невероятно тёплом море, бережно укачивающим тебя на своих безмятежных волнах. Чёрных, как оникс.

«Если это и есть та самая нирвана, то это самое лучшее из чувств».

Впервые не нужно никуда бежать, торопиться, спешить. Жизнь повернула в безмятежное русло, и наконец-то можно спокойно вздохнуть. Ох уж этот глубокий и приятный вздох...

Хотелось прощупать под рёбрами слева – всё ли с сердцем в порядке? Но апатия поглотила меня с такой силой, что поднимать руку попросту не хотелось.

«А я сейчас стою или лежу?» – подумалось вдруг.

Пока мозг лениво пытался определить местоположение в пространстве, в окружающей меня крошечной темноте промелькнуло что-то светлое. Даже сквозь плотно прикрытые веки я ощутила свет.

С неохотой разлепила веки и уставилась на маленькое белое пятнышко.

Сначала крошечное, едва заметное оно с каждой секундой становилось всё больше, доставляя изрядный дискомфорт моим отвыкшим от яркого света глазам. И, что интересно, снова закрыть глаза я не смогла, как ни пыталась.

Но долго мучиться не пришлось: маленькая точка впереди

превратилась в кусочек неба, такое прекрасное, без единого облачка – эта картина сильно выбивалась из окружающего меня густо-чёрного «ничто».

«Интересно, а всё же что там?»

Стоило мысленно задать себе этот вопрос, как невидимая сила подхватила меня, и уже спустя долю секунды я оказалась на широкой тропе, с густо росшей на ней изумрудной травой.

Оторвав взор от травы под ногами, тут же заметила шедших мимо меня людей. И было их так много, что я шокировано замерла.

Совсем маленькие дети, подростки, взрослые и совсем уже старики – все они шли куда-то вперёд по давно протоптанному пути. Оглянулась назад и снова обалдела: казалось, этой живой веренице нет ни конца, ни края.

Все они шли молча, глядя только перед собой.

Долго стоять мне не позволила ситуация: толпа шла достаточно плотно и мне волей-неволей пришлось сделать шаг, затем второй в ту же сторону, куда все они столь целенаправленно двигались. Конечно, я могла спокойно плыть по течению, став частью этой странной процессии, но шальная мысль, откуда они все идут? не давала мне покоя. В этом вся я – не привыкшая плыть по течению и следовать уже проложенным кем-то маршрутом, но всегда прокладывающую свою собственную дорогу.

Именно поэтому ничего удивительного, что во всей этой

многотысячной, а может даже и больше толпе, я решила пойти другим путём. Развернулась и занесла было ногу, чтобы пойти против течения, как вдруг почувствовала каменной твёрдости невидимую стену. И как не силилась, не смогла ничего сделать.

Пожав плечами, сделала шаг в сторону. И у меня получилось. Так, осторожно огибая вперёд идущих, подошла к краю тропки и смело шагнула за её край, но какая-то невидимая сила снова преградила мне путь. В этот раз она не была такой непробиваемо твёрдой.

Вытянув руки перед собой, надавила посильнее. Странно-вязкое, тягучее и очень густое, но что именно – оставалось только дофантазировать самой. Невидимое электромагнитное поле? Какой-то щит? А может, у меня попросту разыгралась фантазия?

Чем сильнее давила, тем больший отпор чувствовала. Этот невидимый колпак контроля мне уже не нравился: выглядело нелепо, словно актёр-самоучка пантомимы вышел на улицу с бесплатным шоу.

И вот наконец, навалившись всем телом на это «что-то», мои руки продвинулись немного вперёд. Дальше стало чуть легче. А после пары минут титанических усилий, я ухнула во вдруг возникшую прореху и меня что-то подхватило, утянув, словно в воронку – даже вскрикнуть не успела. Даже испугаться не смогла: оп! И я лечу!

Тысячная процессия человеческих душ не заметила от-

сутствие одной из них и спокойно продолжила свой неспешный путь.

Глава 1

У вас когда-нибудь болело всё тело? Думаю, нечто подобное случалось с каждым: к примеру, когда уснул в неудобной позе и пролежал в таком состоянии всю ночь.

Но то, что испытывала я, ни на йоту не сравнится с затёкшими мышцами после сна. Болела каждая клеточка и даже, как мне казалось, каждый волосок на голове. Как будто по мне туда и обратно пробежался табун диких мустангов.

Дико хотелось пить.

С трудом разлепив свинцовые веки, растерянно огляделась. Небольшая комната, погружённая в полумрак из-за плотно закрытых тяжёлых портьер, которые даже с моего места выглядели так, словно их никогда не стирали. Воздух в помещении пропитан запахами плесени, пыли и ещё чем-то специфическим, словно жгли траву какую-то...

Вопросов было много: как я оказалась в кровати? Как долго проспала? Последнее, что смутно помню – магическая вспышка и невероятная боль... и ещё обрывки моей кухоньки и любопытные глазёнки Ванюши... от этой мешанины разрозненных воспоминаний заломило виски, скрипнув зубами, попыталась сосредоточиться на обстановке.

От спёртого воздуха в комнате было трудно дышать, а в сочетании с тяжелыми благовониями, укутавшими каждый

уголок небольшого помещения в свои тяжёлые объятия, казалось, что ещё немного и я точно задохнусь.

В комнате никого не было. Ни души. С лёгким болезненным стоном попыталась приподняться на локтях, но тело отказывалось слушаться. Ноги ватные, руки – тоже. Оставив попытки сесть, снова легла и, закрыв глаза, задумалась.

Постепенно сознание начало уплывать.

Но громко скрипнувшая створка двери, не дала мне провалиться в болезненный сон: я на чистом упрямстве повернула голову ко входившей в спальнку женщине.

Худая, словно высохшая, старушка лет семидесяти заглянула внутрь и, встретившись со мной своими блекло-зелёными глазами, с несвойственной для её возраста прытью, влетела в комнату.

– Глория, девочка моя! – её щебет, словно кувалдой, бил по моей ещё плохо соображающей голове, – напугала же ты меня!

– Как давно я здесь? – охрипшим голосом спросила я.

– Почти сутки. Я нашла тебя в мастерской без сознания. Слава богу, я проходило мимо и услышала твой стон, – глаза старушки, такие живые, словно два ярких пятнышка на фоне старушечьего тела, наполнились слезами, – тебе принести чего-нибудь? – опомнившись, спросила она.

– Воды, – вытолкнула я неповоротливым языком.

– Лежи. Я мигом, – с этими словами Катерина развернулась и вышла из комнаты.

Катерина. Я знаю её – она моя няня. Преданно служившая моим родителям много-много лет.

Голова загудела. Не давая копнуть глубже в воспоминания.

Нужно снова постараться расслабиться.

Минута, две – и ни единой мысли в голове. Ничего.

Кажется, я уснула, и во сне пришли так необходимые мне воспоминания...

...Передо мной какая-то странная машина с большим количеством кнопок. Сначала я думала, что не справлюсь – уж слишком сложной она казалась. В помещении шумно и оченьлюдно.

Мои пальцы ловко переключают какие-то датчики, кнопки, на автомате. Тело точно знает, что нужно делать и как всё это работает. В металлической обшивке этого агрегата отражение: женщина, лет шестидесяти или около того, с собранными волосами, чтобы не мешали работать...

Взглянула на свои пальцы, потом снова на отражение... Странно, это я.. но и девятнадцатилетняя Глория ведь тоже я... и у девушки точно кожа гладкая, как шёлк без единой морщины.

– Кажется, я весьма сильно ударилась головой, фантазия совсем разыгралась, – в разные стороны покрутила головой, чтобы отогнать от себя плод разбушевавшийся или же слегка больной фантазии.

Закрыла глаза и постаралась сосредоточиться снова.

...Мама. Самая любимая добрая, такая нежная и заботливая... После её смерти три года назад отца совсем подкосило. Некогда работающий, похоронив жену, эл Патрик Мэнес совсем выжил из ума и сильно пристрастился к алкоголю. С того самого момента жизнь прославленного часовщика пошла под откос.

Именно так в моей жизни и жизни отца появилась Валерия.

– Быстро же я вспомнила об этой гримзе, – при мысли о мачехе недовольно поморщилась.

Эта хитрая и властная женщина думала только об отцовских деньгах и о том, как выбраться из грязи в князи. Не имея за душой ничего, кроме Кассия, сыночка-транжиру и оболтуса, каких ещё поискать надо, она быстренько схватила отца в свои цепкие пальцы, очаровала и потащила пьяного мужчину под венец, чтобы хоть как-то закрепить своё новое положение, она мечтала родить отцу наследника, чего сделать не смогла.

Деньги и Кассий – это всё, что волновало Валерию. Для удовлетворения своих и сыновьих потребностей она не жалела никаких денег (конечно же, не своих). В какой-то момент средств на покрытие амбиций этой парочки стало не хватать, и постепенно из дома начали пропадать дорогие вещи.

Думаю, и так понятно, какие чувства я испытывала к избраннице своего отца. К слову, это было взаимно – мы обе попросту не переваривали друг друга. Валерии весьма не

нравилось, что я всячески пыталась донести до затуманенного алкоголем сознания отца тот неоспоримый факт, что благодаря его второй супруге мы скоро окажемся за чертой бедности.

А ещё ей очень не нравилось, что я другая. Вполне возможно, в глубине души она завидовала и боялась моих способностей, и именно поэтому старалась всячески настроить отца против меня.

Неудивительно. Одарённым в нашем обществе уделяется самое пристальное внимание. Люди с зачатками магии всегда притягивали к себе взор и в то же время пугали тем, что они другие. Одарённые могли накладывать на предметы, растения, животных определённые эффекты: снадобья таких лекарей гораздо эффективнее, а урожай овощей или злаковых, за которыми ухаживал фермер со способностями, к примеру, можно было собрать дважды в год.

Найти таких людей несложно. Достаточно было узнать их полное имя. Эль Глория, эл Патрик – именно приставка эль к женщинам и эл к мужчинам показывала собеседнику, с кем именно он ведёт разговор.

К слову, обо мне: в прошлом году я должна была уехать в Академию для одарённых, но на первоначальный взнос у нас банально не осталось денег...

Следующее моё пробуждение было более сносным. И первое, что я ощутила: как крутит от голода желудок. А во рту сухо, как в пустыне в самый разгар дня.

За дверью послышалось шарканье, и спустя пару секунд в комнату снова зашла Катерина с подносом в руках:

– Я заглядывала несколько часов назад, – кивнула она на одиноко стоящий на прикроватной тумбе высокий стакан, – волю принесла. Но ты так крепко спала, в общем, не добудилась. Вот, бульончик приготовила куриный, доктор сказал тебе нужно хорошо питаться.

Старенькая, немощная – она уже не могла содержать в порядке дом, как раньше, именно поэтому он находился в таком плачевном состоянии. Но ни у кого и мысли не было (кроме, наверное, Валерии) выставить старушку за порог – за все эти годы она стала полноправным членом нашей семьи и даже нянчилась со мной, когда я была совсем ребёнком.

Поставив на прикроватную тумбу поднос, на котором уместилась чаша с куриным бульоном с грустно плавающими в нём кусочками моркови и парочкой тощих волокон куриного мяса, экономка помогла мне принять сидячее положение, подложив под спину пару тощих подушек, после чего подала мне бульон и присела рядом, принявшись молча наблюдать, с каким упоением я приступила к поглощению супчика.

– Я так перепугалась, когда увидела тебя на полу без сознания, – запричитала неожиданно она, – сразу побежала за помощью. Повезло, что лекарь живёт в соседнем доме.

Без сознания? Кажется, начинаю вспоминать... Конечно! Последнее, что помню – как собиралась починить напольные

часы. Старинный медный маятник, заказ от старого друга семьи. Этих денег не хватило бы на взнос для поступления в Академию одарённых, но на покупку так нужных нам продуктов вполне. Но я ведь необученная и в стремлении всё сделать быстро, переусердствовала и последнее, что помню – это чудовищную боль, пронзившую тело насквозь. Я точно что-то сделала не так.

– Страшное зрелище. Ты лежала на полу, а потом так резко вскрикнула и скрючилась, – нянюшка продолжала свой рассказ. – В один момент мне даже показалось, что ты и вообще перестала дышать...

Высморкавшись в платочек и вытерев слезу, Катерина продолжила:

– Слишком стара я для быстрого бега, но я правда торопилась что были силы, – она словно извинялась передо мной, – мы с лекарем вернулись так быстро, как могли. Слава богу, что ты почти неслышно, но всё же дышала. Он сказал, что ты повредила магические каналы, и тебе нужно время, чтобы набраться сил и восстановиться. А ещё...

Она замолчала, потеревшая застиранный, но чистый серый фартук, словно сомневаясь, говорить или нет.

– Говори, няня, как есть, – вздохнула я.

– Он сказал, что ты, больше не сможешь магичить. Калека с прожжёнными магканалами. Так он заявил. Есть шанс, что магия тебе всё же будет доступна, но только такими крохами, что и браться не стоит. И в Академию тебя не возьмут с

покорёженными каналами.

Мозаика сложилась.

А я не знала, что и думать. Я теперь не эль Глория? Или всё же эль?

Спустя время старушка, мягко погладив меня по спутанным волосам, ушла из комнаты, оставив меня набираться сил.

Понадобилось несколько дней, чтобы я достаточно окрепла и встала с кровати. Было непросто, но, стиснув зубы, я заставляла своё тело ходить.

Казалось, жизнь возвращается в прежнее русло, вот только с каждым часом я понимала, что стала какой-то другой. Иногда я прикасалась к своему телу и ловила себя на мысли, что оно не моё. В голове то и дело проигрывались какие-то непонятные мне картинки, словно чьи-то мысли, воспоминания и эмоции оказались в моём распоряжении. И эти мысли принадлежали Глории. Девочка погибла, ошибившись в расчётах. И её тело заняла я. Мария Ивановна.

Глава 2

С каждым днём я чувствовала себя всё лучше и лучше. Сон, много сна (признаюсь, этого мне очень не хватало... в той жизни), отсутствие стрессов (как ни крути, работа на заводе не отличается особым спокойствием) – лучшие лекарства при любом раскладе. Вот только восстанавливающемуся организму требовалась энергия, но как объяснить ему, что жиденький бульон на тощей курице – единственное блюдо в небогатом меню этого дома?

Но не только они. Юное, молодое, сильное тело восстанавливается в разы быстрее. Не моё, но такое моё одновременно... Если бы мне когда-нибудь сказали, что судьба столь круто развернет мою жизнь, да так, что я окажусь непонятно, где в теле погибшей от неопытности магини, я бы точно покрутила пальцем у виска и вернулась к работе.

Работа, дом, внук – круговорот моей жизни в последние годы. А тут ни того, ни другого, ни Ванюши. Вместо этого – новая семья, дом и воспоминания Глории, которые кажутся мне своими собственными. К этому ещё предстояло привыкнуть.

Но самое главное сейчас – как можно скорее восстановиться и вернуться к прежней жизни. Препней жизни юной девушки и новой моей.

Вот что значит юность! Спустя пару дней от адских ощущений, будто по мне пробежался табун диких скакунов, не осталось и следа. Дни сурка совсем скоро закончатся – моё любопытство торопило меня как можно скорее встать с кровати. Да и вид пыльной комнаты изрядно надоел.

Катерина была премилой женщиной, которая не спускала с меня глаз. Несмотря на свой уже далеко не юный возраст, она частенько навещала меня и скрашивала весьма однообразные дни моего восстановления. Вот только где все остальные?

Именно с таким вопросом я и обратилась к экономке. Та лишь пожала плечами:

– Хозяйка дома не сообщает о своих делах, – при упоминании мачехи я непроизвольно поморщилась, видать всё же эмоции прежней хозяйки тела тесно сплелись с моими, – давненько не видела её дома.

– А Кассий? – не сказать, что я горела желанием увидеть сводного брата, скорее наоборот, но решила поинтересоваться. К нему Глория испытывала чёткую неприязнь... а ещё липкий страх. Перед глазами тут же встала картина: Кассий зажимает девушку в глухом тёмном углу и шепчет непотребности. Каждый раз Глорию спасала Катерина, старушка словно чувствовала, что та в опасности и появлялась в самый нужный момент и сыночку Валерии ничего не оставалось, как отступить и сделать вид, что мимо проходил.

– Он и вовсе приходит домой под утро, – глубоко вздох-

нула старушка, опустив глаза. — Пьян настолько, что мне становится страшно, как бы не учинил чего плохого...

Пока разговаривали нет-нет, но я чувствовала пристальный взор няни на своём лице. И всё не могла понять, что именно она хочет увидеть.

— Надеюсь, что когда-нибудь он возьмётся за ум, — показала головой Катерина.

— Что-то очень сильно сомневаюсь, — фыркнула я.

Его образ достаточно ярко нарисовался в моём воображении. Высокий, плечистый, кареглазый ловелас под два метра ростом, молодой человек привык быть в центре женского внимания, мать баловала его с самого рождения, посему его боги — это деньги и удовольствие, которое на эти монеты он мог купить сколько влезет.

О каком процветании семейного дела могла идти речь, когда такой паразит без зазрения совести высасывает последние крохи из общего состояния? Взглянула на пустую тарелку с супом (жидкую водичку с парой кубиков моркови назвать супом язык не поворачивался) и брезгливо поморщилась. С этим нужно срочно что-то делать.

Видимо, Глория и попыталась, и стоило ей это непозволительно дорого...

Я искренне сочувствовала девчужке, но что сделано, того уже никак не исправить.

Как только силы окончательно вернулись ко мне, первым делом решила исследовать дом — моя небольшая серая ком-

ната казалась мне тюрьмой, а от тяжёлого пыльного воздуха постоянно хотелось почесать нос и расчихаться.

Дверь в мои покои со скрипом закрылась, но ощущение пыльного воздуха никуда не исчезло: вся остальная часть дома также не отличался чистотой и ухоженностью. Достаточно большой, двухэтажный особняк производил весьма неоднородное впечатление. Даже самый невнимательный человек без труда заметит слой пыли на весьма изношенной мебели, потёртые следы на полу и не самые чистые окна, сквозь которые, словно из последних сил, пытались пробиться лучи тёплого солнца. Спустилась по старой винтовой лестнице на первый этаж и растерянно осмотрелась.

Здание казалось заброшенным и остро нуждалось в капитальном ремонте. Но кому это было нужно? В сердце болезненно кольнуло – в каждой комнате одна и та же картина: грязные окна, вековой слой пыли и полное отсутствие мебели. Странно, что не было ни единого зеркала или картины, только белеющие участки на стенах, где они когда-то висели.

– Кажется, Кассий и его мамаша вынесли всё, что, по их мнению, плохо лежало и дорого стоило, – пробормотала вслух, морщась от убогости интерьера.

Снаружи дом выглядел не лучше.

Возможно, лишь полуслепой человек восторженно вскрикнет, не разглядев деталей. Когда-то особняк действительно блистал великолепием: стены из дорогого отделочного камня, белоснежной арки у входа, покатой крыши и

огромного сада с большим количеством деревьев – лучшее место для безмятежного отдыха. Вот только штукатурка давным-давно ссыпалась, белый цвет лепнины превратился в грязно-серый, а о былом величии сада напоминали лишь неухоженные деревья, заросшие кустарники и прелая прошлогодняя листва, плотным ковром устилавшая землю. А ведь при жизни матери Глории в это время сад преображался до неузнаваемости! Эта часть территории была гордостью покойной хозяйки дома, о которой теперь попросту забыли: то ли от нежелания возиться с растениями, то ли – от нехватки денег, а может, и всё сразу...

Катерина всё время следовала за мной: видимо, переживала, что мне вновь станет плохо. Каждый раз, всматриваясь своими помутневшими глазами в каждую комнату, её вздох становился все тяжелее, а голос – всё более удручённым.

– Дела-то у нас совсем плохи, – то и дело причитала она, – стены бы в доме побелить, портьеры освежить, да вот только кому? Для меня одной – это непосильная ноша... Госпожа Валерия меня и вовсе слышать не хочет. А картины... сколько картин вынесли из дома, – старушка громко хлопнула носом, стараясь сдержать слёзы, – эл Патрик ведь десятилетиями собирал эту коллекцию, а теперь, где они все? Наверное, висят у какого-нибудь богача, купленные совсем за гроши.

– Совсем скоро без крыши останемся, – продолжала жаловаться экономка, – иногда думаешь, как еду купить, денег совсем не хватает, и за дом сердце ежедневно болит.

Пока Катерина изливала мне душу, я решила навестить отца. Возможно, он даже не знает, что его дочь пару дней назад была на волосок от смерти – алкоголь заменил ему весь мир и стал единственной доступной радостью жизни после смерти жены.

– Глория, – попыталась остановить меня няня, – может не нужно туда идти? Лишнее расстройство это...

Я упрямо тряхнула косой и двинулась на второй этаж в правое крыло особняка. В противоположную от хозяйской комнаты сторону: Валерия давным-давно отселила супруга подальше от себя и дражайшего сыночка. Распахнув скрипучую дверь, шагнула в полутёмное помещение. Запах алкоголя, сплетясь с ароматами плесени, дохнул на меня, заставив чуть пошатнуться – настолько убойным и крепким он был.

Глава 3

Эл Патрик спал, сидя за столом и громко храпел. Увидев отца в таком состоянии, глаза сами собой наполнились горькими слезами, к горлу подступило чувство обиды и жалости. Эмоции Глории опередили мои собственные ощущения... Красивого ухоженного мужчину будто подменили, и передо мной, посвистывая, лежал какой-то неряха с неопрятной, заросшей, в крошках от еды, бородой, в замызганной мятой рубашке навыпуск и в прохудившихся на правом колене штанах в выцветшую полоску. Сальные тёмно-каштановые волосы с лёгким налётом седины уже давно не мешало бы подстричь, а клочковатые бакенбарды – подровнять. В целом эл Патрик может стать весьма симпатичным мужчиной, если отобрать у него бутылку и привести в порядок. А сделать это нужно как можно скорее – что-то мне подсказывало, отец даже не догадывается, в каком отчаянном и бедственном положении находится то, на что этот трудолюбивый часовщик зарабатывал всю жизнь.

Обрывистый храп отца довольно быстро вернул меня в реальность.

– Паааап, – аккуратно прикоснувшись к его плечу, постаралась разбудить. Слова легко сорвались с языка, и теперь уже я почувствовала тоску по родителю, которого давно не

было в живых там... на Земле... А теперь он у меня снова есть, и я постараюсь, чтобы эл Патрик жил как можно дольше. Я должна Глории, крепко должна.

Но ни на мой голос, ни уж тем более на попытки разбудить мужчину попросту не реагировал. Мертвецки пьяный хозяин дома на каждый вопрос бормотал что-то нечленораздельное и лишь размахивал во сне руками, лишая меня последней надежды на разговор с ним.

– Бесполезно, – словно издалека услышала я голос экономки и повернулась.

– Нужно переместить его в кровать, не дело спать вот так, – обратилась я к Катерине. – И кто носит ему спиртное? – хмурилась я, – у нас ведь нет на это средств...

– Так госпожа Валерия и носит, – осуждающе припечатала няня, помогая мне приподнять тяжёлого мужчину.

Перетащить отца Глории оказалось непростым делом. Эл Патрик обмяк и казался просто неподъемным. Каким-то чудом его всё-таки удалось взять под руки и поднять с кресла. Его ноги, хоть и с трудом, но каким-то чудом всё же доковыляли до кровати и его тело буквально упало на матрац. Сняв со спящего отца туфли, заботливо накрыла его одеялом. По всему кабинету валялись десятки пустых бутылок от дешёвого вина или самодельной настойки – неужели Валерию несколько не волновало состояние мужа? Ответ напрашивался сам собой.

Разговор с отцом решила оставить до лучших времён.

Вместо этого сделала ревизию его комнаты на наличие какого-либо алкогольного питья и, убедившись, что никаких запасов больше нет, направилась на кухню – с каждой минутой голодный желудок с нарастающим возмущением требовал еды.

Кухня, ровно, как и остальные комнаты в доме, выглядела весьма печально. Некогда светлая, с полными полками и кладовыми продуктов – на данный момент она полностью отражала весьма бедственное положение своих хозяев. В кладовых оставались весьма скудные запасы провизии, и вовсе не на сытный ужин, а только на жалкую похлёбку.

Именно такое блюдо и готовилось на плите. Аккуратно подняла горячую крышку, заглянула внутрь: какая-то крупа, отдалённо напоминающая пшеничную, варилась вместе с мелкопорезанными кубиками овощей и маленькой куриной ножкой. Пряма каша из топора для солдата.

Выглядело варево неаппетитно, но другого выхода у меня не было – наложив небольшое количество слипшейся каши в тарелку, поднесла ложку с неароматным содержимым ко рту и недовольно сморщилась от такого невкусного обеда.

Быстро, не жуя, проглотила еду и отправилась в библиотеку. Мысль о сожжённых магканалах не давала мне покоя: возможно, всё ещё можно восстановить, и я смогу поступить в Академию. Статус калеки на всю жизнь меня не устраивал, как и вариант недомагички с ограниченными возможностями. Я чувствовала огромный груз ответственности: кто, если

не я, сможет восстановить дом и помочь отцу справиться с пристрастием к алкоголю? Моя новоиспеченная «матушка» и ее горе-сынок? Вот уж точно не они.

Стоило мне только подумать о Валерии, как в коридоре раздался чей-то чересчур бодрый голос. Какой-то неестественный, слегка жеманный и деловитый – от такого неприятного сочетания хотелось закрыть уши руками.

Я слишком долго не видела мачеху. Даже так: зная её, я *ещё* не видела женщину, которая уже была мне так противна.

Библиотеку с холлом разделяла одна лишь дверь, поэтому со своей «родительницей» я столкнулась прямо в коридоре. Валерия обладала не только неприятным голосом – весь вид этой сорокапятилетней женщины производил весьма отталкивающее впечатление. Несмотря на тонкие черты лица до аристократки ей было очень далеко, а попытки казаться тем, кем не являешься по рождению, с её стороны были провальными: никакие вычурные наряды не могли добавить изыска женщине с отсутствующими манерами и элементарным воспитанием. Как ни крути, она была простолюдинкой, и все прекрасно об этом знали. И она об этом знала, сей факт бесил Валерию даже больше бедности. Кровь не водица, и в ней не чувствовалось того лоска, что был присущ Глории от рождения.

При виде меня Валерия сощурила глаза и оглядела так презрительно, что стало не по себе.

– Глория, рада, что тебе лучше, – в её сухом голосе не бы-

ло ни капли радости, – выглядишь ты, конечно, весьма плохо. Ты видела себя в зеркале? А хотя да, – с усмешкой добавила она, – в доме же нет зеркал. Но тебе повезло, – с этими словами она достала маленькое складное зеркальце и протянула мне, – посмотри.

Как ещё может выглядеть человек, которой неделю провел в постели на волосок от смерти? Ничего не подозревая, я раскрыла зеркало и приглушённо вскрикнула от увиденного.

Я помню, как Глория должна выглядеть. Но сейчас от той красоты, что досталась мне от родовитых одарённых родителей не осталось и следа. Некогда алебастровая аристократическая кожа покрылась уродливыми крупными пятнами – веснушками, взгляд прежде ярко-синих глаз подёрнулся пеленой и приглушил их блеск, как если бы сапфиры заменили не самым лучшим стеклом. А уж кривые зубы вовсе испортили настроение, опустив его ниже плинтуса: захотелось разреваться от отчаяния... Добил меня вид некогда густой золотой косы, от неё остался лишь худенький хвостик. И как я не заметила всего этого?! Явно была занята вопросами новой жизни и дальнейшего выживания в новом мире.

– Что со мной стало? – в ужасе прошептала я, голос сел, став сиплым.

– Няня не сказала тебе? – ехидно улыбнулась Валерия, – прожженные магканалы сильно влияют на внешность. Такая вот своеобразная плата за то, что ты осталась жива.

Всем своим видом эта мерзкая женщина показывала, как

же сильно она рада видеть перед собой уродливую падчерицу. Зависть – плохое чувство, особенно по отношению к дочери своего мужа.

– Не расстраивайся, всё не так плохо, – прошептала мачеха и в знак поддержки приобняла меня за плечи. Мне стоило титанических усилий, чтобы сдержаться и не вlepить ей пощёчину, – к тому же, у меня для тебя прекрасная новость. В твоём нынешнем положении она просто великолепная!

– Что вы имеете в виду?

– У Кассия больше проблемы, – начала мачеха издалека, – за карточные долги он может попасть в темницу.

«Там ему самое место», – ядовито вертелось на языке.

– А чтобы этого не случилось, – продолжала она, – мне пришлось пойти на крайние меры. В общем, – чересчур радостно воскликнула Валерия, – совсем скоро ты выйдешь замуж!

Замуж?! От столь шокирующей новости в ушах зазвенело.

– Но я не хочу! – отрицательно замотала головой, что за день такой гадкий?! – в конце концов, отец не позволит мне связать судьбу с кем попало!

– Милочка, твой будущий муж – далеко не последний человек в городе. Думаю, Патрик только обрадуется столь выгодной для тебя партии: я договорилась с эл Родри Вардисом о помолвке с тобой.

Каждая фраза этой женщины ранила сильнее предыдущей. Под маской святой добродетели скрывалось самое на-

стоящее зло, которое решило окончательно избавиться от ненавистой ей падчерицы.

Признаться, частично ей это удалось: услышав, за кого мне предстоит выйти замуж, ноги подкосились от ужаса, я удержалась от падения лишь усилием воли. Да и не хотелось показывать Валерии, как её новость меня шокировала. Не дам ей повода для радости более полученного.

Воспоминания Глории услужливо показали картинку: вот она на своём первом балу, ей всего пятнадцать, жизнь прекрасна! И тут она чувствует чьё-то липкое пристальное внимание, оборачивается и встречается взглядом с мерзким, толстым и вечно потеющим стариканом лет шестидесяти.

Эл Родри годился малышке Глории в деды.

Однако у Валерии были свои планы, и ради светлого будущего Кассия она готова идти по головам.

В комнате стало невыносимо жарко. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, и я еле сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Или не кинуться на мачеху с намерением выдрать той каждый волосок на аккуратной причёске.

– Глория, – словно издалека до меня донёсся её противный голос, – я поговорила с доктором эл Прустом, он сказал, что твои каналы покорёжены слишком сильно и ты можешь забыть о поступлении в Академию, – мачеха нервно сжала перчатки, белые длинные, ухоженные пальцы на мгновение стали словно ещё бледнее, женщина явно нервничала, но старалась не подать вида, – потому выйти замуж для тебя

сейчас самый лучший из вариантов. Эл Родри богат. И пусть он пережил уже трёх своих жён, я уверена, ты не станешь четвертой!

Я молча на нее смотрела, паника чуть улеглась, мысли прояснились, и я принялась перебирать варианты, ища выход из неприятной для меня ситуации.

– Ты по рождению эль Глория Мэнэс, твои дети будут одарёнными в любом случае...

Она еще что-то говорила, а во мне созрел план, нужно только добудиться до отца. А еще нужны деньги, иначе на бульоне из воды я долго не протяну.

Глава 4

Странная штука – время. Чем дольше ждешь, тем медленнее оно тянется. А иногда кажется, что в такие моменты оно и вовсе остановилось.

Что и случилось после новостей, которые, спасибо моей «любимой» и «обожаемой» мачехе, обрушились на мою и без того побаливающую голову. Спасибо тебе, судьба, что не просто закинула меня в другую реальность и в тело юной Глории (ну, хотя за этот шанс прожить жизнь снова я ей действительно благодарна), но и за таких «потрясающих» родственников, готовых на всё, чтобы как можно скорее отдать тебя в лапы старого богача взамен на его деньги.

Часы давно пробили полночь, но в одной из комнат старого особняка до сих пор было светло.

Спать не хотелось. В который раз, словно маятник, прошлась по комнате, пытаясь собраться с мыслями. Неделя, вот тот срок, как я очнулась в новом мире. А уже столько произошло... А сколько может произойти, если не вмешаться, если продолжать плыть по течению!

– Надеюсь, у меня получится достучаться до отца, пока не слишком поздно, – с отчаянием высказалась вслух я, схватившись за голову. Пальцы коснулись весьма поредевших волос, и перед глазами снова всплыло моё новое отражение

в зеркале. К горлу подступил тугой ком слёз обиды.

Теперь, когда рядом не было Валерии, я могла позволить себе сполна выплакаться. Полегчало. А ещё, раскрыв окно, высунулась в него как можно дальше и крикнула, что есть мочи:

– Не бывать такому! – ветер подхватил моё отчаяние и унёс к чужой, с сиреневым оттенком луне.

И отпустило. Туго натянутая струна лопнула, я сползла вниз и, сидя на пыльном полу, задумалась. План был, получится ли у меня что-то из задуманного покажет только время. Крайний вариант – свалить в закат.

А ещё не клеилось. Вот не сходились те факты, что я почерпнула из воспоминаний Глории. Дедушка девушки жил в другом конце королевства, перед глазами стояла картинка: как он ласково улыбается маленькой Глории и что-то ей говорит. После смерти матери только любовь её дедушки эл Марика помогла девушке прийти в себя и не утонуть в пучине отчаяния и тоски. Эл Марик жил в роскошном поместье, богатым, со всеми мыслимыми удобствами и штатом слуг.

Как эл Марик мог допустить, чтобы такое произошло с его собственным сыном?

Этого я пока не понимала, но собиралась разобраться. Кажется, что ответ был на поверхности, но он ускользал, прячась в тёмных уголках памяти Глории.

Я нахмурилась, силясь вызвать образ эл Марика в голове чётче, но тот отчего-то расплывался, возможно, сказывалась

общая усталость и пора было лечь и поспать. Завтра сложный день.

Поднялась, отряхнула ночное платье, прошла в уборную, провернула ручку крана и из носика через пару секунд с тихим шипением побежала чуть желтоватая холодная вода. Наклонившись над треснувшим фаянсовым умывальником с когда-то красивыми светло-голубыми цветочными узорами, которые сейчас едва угадывались, умылась.

Проснулась ранним утром, лишь забрезжил рассвет. Внутренние часы никогда не сбоили и в этот раз не подвели.

В этот час все ещё спали крепким сном.

Тихо, чтобы не разбудить домочадцев, направилась в спальню отца. Сегодня я рассчитывала поговорить с ним, чего бы мне это ни стоило.

Нажав на литую тяжёлую медную ручку (как её ещё не отвинтили и не продали?), навалилась всем худым тельцем на дверь, и та с едва слышным скрипом, медленно отворилась, сдавшись моему натиску. Протиснувшись внутрь, огляделась: портьеры плотно закрыты, в воздухе переплетены запахи спиртного, и какой-то горько-пряной травы. Полынь, что ли? Чихнула, потёрла нос, стараясь унять зуд и широко-ми шагами подошла к окну. Дышать этими запахами не было более никакого желания. Зажав одной рукой нос, другой раскрыла портьеры, сначала в одну сторону, потом в другую, а после, поддев задвижку, распахнула и окна.

Тут же холодный утренний ветер ворвался в комнату, сде-

лал круг и вынес прочь часть того зловония, царившего здесь неизвестно сколько месяцев, а то и лет.

Метнулась ко второму окну и поступила точно также.

Закончив с этим делом, обернулась, бросая взгляд на кровать.

Отец спал, как ни в чём ни бывало и храпел на всю комнату. Вид его был куда более жалким, чем в прошлый раз: капелька слюны стекала из полуоткрытого уголка рта, волосы казались куда спутаннее, а борода сбилась в колтуны настолько сильно, что походила на потрёпанную временем мочалку, чем на гордость ухаживающего за собой мужчины.

Мужчины, который остался наедине со своим горем. Хозяина дома, которого хотели лишить этого статуса. Мужа, которого пыталась сжить со свету собственная жена. Человека, которому явно нужна была помощь. Отца, который как никогда нуждался в помощи самого близкого человека на свете — меня.

Чего же пыталась добиться Валерия? Ответ хоть и был на поверхности, но мне нужно собственными глазами увидеть и понять, что же всё-таки она задумала.

Растерянно огляделась вокруг. Взгляд упал на старый платяной шкаф, стоявший прямо напротив отцовского ложа.

— Пожалуй, здесь и спрячусь, — пробормотала я и аккуратно открыла одну из дверей. Та жалобно пискнула-скрипнула, поддаваясь моей настойчивости. Нутро шкафа было почти пустым.

Задержав дыхание, аккуратно залезла внутрь. Уже привычная картина толстого слоя пыли дополнилась узорчатой паутиной по углам и парочкой старых и крайне несвежих рубаш и штанов на вешалках. Слишком огромный шкаф для столь скудного содержимого.

Неужели мачеха вынесла из дома и вещи отца?

Дверцу шкафа решила оставить приоткрытой и замерла в ожидании. Валерия должна прийти утром, до пробуждения отца. Это разумнее всего, ведь именно она его методично спаивала, снабжая мужчину пойлом.

И она действительно пришла, когда у меня почти лопнуло терпение и затекло тело. Мне пришлось ждать чуть более получаса. Я уже собралась было выбраться наружу, как по коридору раздался звуки цокающих каблучков, быстро сориентировавшись, прикрыла дверцу плотнее и прижалась к образовавшейся щели лицом, чтобы иметь возможность видеть всё, что будет происходить в комнате. От напряжения и вспрыснувшегося в кровь адреналина казалось, что сердце колотится где-то на уровне моих ушей.

Сквозь тонкую щёлку было видно, как Валерия уверенно зашла в комнату, через руку у неё была перекинута плетёная корзина. Убедившись, что вокруг ни души, она быстро захлопнула за собой дверь.

Всё те же собранные волосы, надменный взгляд и крайне неприятное выражение лица...

– Кто же распахнул все окна? Старуха не стала бы нару-

шать прямого приказа, – услышала я её недовольное бормотание, – скорее всего это сделала Глория, не первый раз ведь так поступает, – фыркнула она, и, вынув одну за другой из корзины три увесистые бутылки из тёмно-зелёного стекла, выставила их в ряд на стол отца.

В очередной раз задавшись вопросом, что же мой бедный родитель нашел в этой женщине, практически не дыша, наблюдала за происходящим.

Проведя указательным пальцем с острым ногтем по крайней бутылке, повернулась к отцу и, о чём-то на секунду задумавшись, всё же подошла к спящему мужчине.

Весь её вид выражал глубочайшее презрение и отвращение к пьяному и громко сопящему эл Патрику.

Отец, ты не просто пригрел змею на груди – эта гадюка уже позволяет себе без зазрения совести скалить над тобой свои ядовитые клыки.

Тем временем Валерия склонилась над Патриком:

– Глория скоро выйдет замуж за вполне приличного кандидата, – злорадно хохотнула она. В этот самый момент эл Патрик издал весьма громкий храп, и та, брезгливо фыркнув, отошла от кровати и заходила по комнате, – прости, милый, что не спросила твоего мнения, но мне это и не нужно. Совсем скоро, когда Глория станет женой этого мерзкого старикашки, я получу от него приличную сумму! Так бы удавить твою дочь по-тихому, но деньги лишними не бывают! Твой калека отец вот-вот неудачно упадёт с лестницы, и ты

останешься единственным наследником поместья Ла Кроуа, десяток коней отойдёт Глории, но то не беда, этим можно пожертвовать. Ты же скончаешься вскоре после. И хозяином всего твоего имущества станет мой Кассий. Как же вовремя я подсуетила, и ты вписал его, как своего сына!

По моей спине пробежал ледяной холодок, чтобы не издать ни звука, прикусила тыльную сторону ладони.

– Каждый день молюсь, чтобы этот день наступил как можно скорее, – мечтательно бормотала она, – а пока трезвым и в своём уме ты мне не нужен, – небрежно похлопав Патрика по щеке, тут же брезгливо отёрла руку о плед и выпрямилась. – Ладненько, у меня дела в городе, а ты води себя хорошо, муженёк, и пей побольше, – неприятно посмеиваясь, мерзавка вышла из помещения.

В коридоре послышался удаляющийся стук её каблучков.

Я не торопилась покидать своё укрытие – вдруг Валерия решит вернуться? Подождав ещё пару минут, вылезла из шкафа.

Затекшие ноги сразу неприятно закололо, но это было ничто по сравнению с теми эмоциями, которые кипели во мне.

У Глории были все причины ненавидеть свою мачеху, а у меня – помешать испортить этой мегере мою жизнь и отправить отца и дедушку на тот свет.

Глава 5

«Ничего у тебя не выйдет», – с этими мыслями схватила принесенную мачехой бутылку и вылила ее содержимое в камин. В воздух, вместе с отвратительным запахом дешёвого спиртного, поднялась и черная копоть. Нужно нанять работников, чтобы почистили и отмыли весь дом. Но это пока не так важно. Куда глобальнее были проблемы с бабушкой и отцом.

Первое, что хотелось сделать – растормошить отца и открыть ему глаза на происходящее. Вот только импульсивное желание было продиктовано взбушевавшимися эмоциями, а не здравым смыслом. И поэтому решила дожидаться пробуждения Патрика естественным путём, а до этого момента – постараться обмозговать услышанное.

– Несложно было догадаться, что Валерия давно решила присвоить наш дом себе. Но захватить поместье дедушки Марика? – злилась я, вытряхивая последние капли из третьей бутылки. И тут вспомнились слова Валерии: «калека...».

Эл Марик был инвалидом. Он перемещалась на коляске и оттого никак не мог приехать сюда, в столицу королевства. Дальние поездки ему были строго запрещены.

Вот же ж!

Но наверняка были письма!

Подхватившись, резко вскочила, кинулась к столу отца, в глубине души уже понимая, что никаких посланий здесь не обнаружу, они могут быть только у Валерии.

Так и оказалось: полки и выдвижные ящики стола оказались пусты. Единственный шкаф, в котором я пряталась, тоже (я обыскала его ещё раз, вдруг упустила что-то). Как и комод с носками и парой старых штанов отца.

Поместье действительно вызывало зависть у многих – именно там разводили чудесных анорийских скаковых, самую лучшую породу лошадей для скачек. Один такой жеребёнок стоил целое состояние!

Действительно золотая жила! Но жадная Валерия никак не могла завладеть дедушкиным поместьем, а вот её сыночек Кассий теперь вполне может.

– Условия завещания мне, точнее Глории, были известны, так, – напрягла я память, стараясь найти ответы на эти вопросы, – после смерти деда Марика, поместье переходило в собственность Патрику. По закону королевства землю наследовать может только мужчина. Если бы Глория осталась единственным ребёнком, то её второй сын стал бы хозяином земель, и взял фамилию Мэнэс, а если бы у Глории были только девочки, ей пришлось бы усыновить кого-нибудь, иначе поместье ушло бы в казну короля. Вот так. Но теперь неведомым образом Кассий вписан, как сын Патрика и это катастрофа!

Мои размышления прервал протяжный вздох, и я резко повернулась к кровати.

Отец постепенно просыпался. Невооруженным глазом было видно, как паршиво себя чувствовал напившийся до чёртиков эл Патрик. С трудом продрав затуманенные глаза, с громким стоном он схватился за голову – неудивительное состояние после беспробудной пьянки.

– Пить... – остановив на мне свой блуждающий взор, хрипло каркнул он.

Налив воду из графина, подала стакан отцу. Похмелье – штука коварная, но как я была рада, что совсем скоро смогу поговорить с ним!

Вот только у эл Патрика были совсем другие планы. Трясущимися руками мужчина поднёс стакан с живительной влагой к пересохшим губам, но как только сделал первый глоток, возмущенно швырнул стакан на пол.

– Зачем мне твоя вода?! – простонал он мучительно, – вы вообще кто?! Принесите мне вина, да покрепче!

С этими словами он обессиленно откинулся на подушку. Его пальцы сжимали спутавшиеся на голове волосы, а непрекращающийся протяжный стон сразу дал понять, насколько плохо ему в этот момент.

Я абсолютно не обиделась на него – отец явно не узнал меня. Но это пока.

– Сейчас принесу, подождите немного, – с этими словами оставила изнемогающего от жажды и головной боли отца и

направилась в уборную.

Вода из крана была не просто холодной – ледяной. Именно то, что мне нужно.

– Где вы там?! – нетерпеливо ворчал отец.

– Уже иду, – с улыбкой ответила ему: таз был практически полным. Утренняя порция горячительного отцу точно ни к чему, а вот отрезвляющий душ мигом приведет его в чувство. Жестоко? Возможно. Действенно? Ещё как.

Когда освежающий «подарок» был готов, аккуратно, чтобы не разбрызгать воду, потащила таз в комнату. Эл Патрик постанывал, лёжа с закрытыми глазами и, видимо, ожидал меня с очередной порцией пойла.

Подошла к изголовью кровати, подняла таз повыше и, с мыслями «прости, папа, но так надо», вылила ледяную воду на голову родителя. Явно не ожидавший такой подставы, он заорал от неожиданности.

Фыркая и протирая глаза, мужчина вскочил с кровати и навис надо мной:

– Ох, не поздоровится вам за такую выходку... – не закончив фразу, отец глянул на меня пристальнее и застыл в недоумении, чуть приоткрыв рот. – Глория?! – дошло до него. – Да как же? А где твои прекрасные длинные косы?.. Глаза только и остались...

Его затуманенное сознание наконец начало проясняться. Медленно, слегка неуверенной походкой, он подошел ко мне. В его взоре читалось недоумение, и я прекрасно знала,

почему.

– Девочка моя, – воскликнул он, – что стало с твоим лицом?

К этому вопросу я тоже была готова. Не успев ответить, в комнату неуверенно постучались, и спустя мгновение в спальню зашла Катерина.

– Я слышала какой-то шум, – издали начала она, – у вас всё в порядке? – её глаза поочередно смотрели то на меня, то на мокрого с ног до головы и продрогшего хозяина дома. Ветерок был уже не таким прохладным, но всё же наверняка неприятно охлаждал промокшее тело Патрика.

– Да, всё хорошо, – успокоила я старую экономку, – принеси, пожалуйста, тарелку супа для эл Патрика.

– С удовольствием, – облегчённо улыбнулась та и скрылась за дверью.

Спустя пару минут Катерина принесла горячий бульон. За это время отец переоделся в сухие вещи. С каждой минутой его взгляд становился все более ясным – наверное, впервые за последнее время.

Чувство голода (или же похмелье?) тоже дало о себе знать, и мужчина в два счёта расправился с тарелкой.

– Что произошло? – всё еще держась за голову, негромко спросил он.

– Много случилось, – вздохнула я.

– ...?! – ошарашенно глянул он на нас с няней, – я практически ничего не помню.

– Оно и неудивительно, папа, – глубоко вздохнув, я начала свой долгий и подробный рассказ.

Было видно, насколько сложно эл Патрику меня слушать и воспринимать действительность. Ещё сложнее – стараться понять и осознать весь ужас сложившейся ситуации.

Сначала рассказала про мои повреждённые магканалы, и что я больше не могу магичить. Узнав о том, что его дочь неделю лежала практически на грани жизни и смерти, отцу стало не по себе, его лицо побледнело. Он явно не понимал, какой сейчас день недели и сколько времени он находится в постоянном опьянении. Валерия частично добилась, чего хотела – голова эл Патрика соображала с трудом.

Он не сразу поверил, что наш дом находится на грани разорения. Рассказ о том, что Валерия вместе со своим горе-сыночком вынесли из дома всё самое ценное, что можно было найти, повергли его в шок.

– Валерия хочет избавиться не только от нас обоих, – наконец я перешла к основной сути повествования, – но и от дедушки Марика. А ещё, – к горлу подкатил ком, – она хочет выдать меня замуж за эл Родри и тем самым закрыть все карточные долги Кассия.

– Не понимаю... – мотал головой отец.

– Ты не веришь мне? – со слезами на глазах прошептала я.

– Верю. Но всё, что ты говоришь с трудом укладывается в голове, – наконец ответил он после небольшой паузы.

Время шло, и явно не в нашу пользу. Если мачехе в оче-

редной раз удастся спойть отца, то все мои старания окажутся тщетными. Мне необходимо было достучаться до него сейчас.

– Папа, нужно что-то делать, – буквально по слогам отчеканила я.

– Глория, моя голова раскалывается настолько сильно, словно я чувствую, как расходятся кости в моей черепушке, – простонал эл Патрик, – мне нужно побыть одному и подумать. Я не мог быть таким овощем просто так, понимаешь, – прошептал он, откинувшись спиной на высокую спинку стула. – Тут замешано какое-то снадобье или артефакт. Я признал Кассия своим сыном и наследником? Не помню такого...

Я прекрасно понимала – отцу нужно время, чтобы восстановиться. И мало что в этот момент зависело от меня, но если Валерия действительно использовала какие-то средства, чтобы Патрик пил, то её ни в коем случае нельзя допустить до мужа.

– И меня с неодолимой силой тянет напиться, – пробурчал мужчина, после чего обхватил горло ладонью, начав его тереть, словно ему там жгло.

Решение пришло мгновенно, не знаю, насколько оно было верным, но оставлять мужчину в этом доме было никак нельзя.

– Дедушке грозит опасность, как его предупредить не ведаю, – мысленно я сожалела, что в этом мире пока не бы-

ло телеграфа или телефона, — поэтому, папа, собирайся, ты уезжаешь, — отчеканила я, глядя на ошарашенное лицо родителя. — Продадим медную ручку, на других дверях прикручены дешёвые деревянные, а то бы всё сняла, — невесело усмехнулась я, — в том крыле дома, где живут мачеха и Кассий я давно не была, скорее всего у них есть, чем пожить. Но время не терпит, нужно поспешить. Я продам ручку и куплю на эти деньги билет. А то и сразу на нас троих, если хватит, конечно. Если нет, мы с Катериной останемся и отобьёмся. Главное, что ты должен сделать перед отъездом, написать письмо с личной печатью, что запрещаешь мне выходить за кого-либо замуж. Этого пока будет достаточно.

Глава 6

– Глори, родная, – простонал отец, пока я тащила его по коридору в сторону своей комнаты. Патрик опирался на мои худые плечи, а я шла на голом упрямстве, плотно стиснув челюсти. – Я, кажется, умираю... мне плохо... ооо...

– Папа, терпи, я тебя к лекарю отведу, пусть глянет и выпишет лечение, – пыхтя, вытолкнула из себя. На лбу выступили капельки пота, спина также взмокла и ткань платья неприятно липла к телу, коленки дрожали.

– Давайте-ка, подсоблю, – с другой стороны от папы пристроилась Катерина и взяла часть нагрузки на себя. Стало легче. С благодарностью глянула на неё и с удвоенной энергией направилась в свои покои.

Уже будучи у себя, когда отец благополучно разместился на моей кровати, сказала, плюхнувшись на стул:

– К лекарю пойдем.

– Эл Прусту? – поинтересовалась няня.

– Нет, – отрезала я, – мне кажется, он заодно с мачехой.

– Быть такого не может! – мои подозрения по всей видимости показались ей чушью, – эл Пруст – уважаемый в округе лекарь. Да и к тому же, – добавила Катерина, подходя к окну и смотря куда-то вдаль, – соседничаем мы уже очень давно, и он всегда готов прийти на помощь. Ведь если бы не

он, – старушка быстро развернулась и с укором взглянула на меня, – в тот день, когда ты прожгла магканалы и находилась на волосок от гибели, кабы не он...

Голос её слегка запнулся. Видно было, что она до сих пор переживает о случившемся. Хорошая попытка, но переубедить у меня не получилось. Возможно, прежняя Глория поверила бы, но не я.

– Но у нас нет денег на другого лекаря, – прошептала Катерина, видя мои упрямо сжатые губы, – да и на необходимые микстуры – тоже... в доме не осталось ни единого серебряника, и ничего ценного... да что уж там! Медьки и той нет, – печально развела руками она.

Так ли это? И неужели покои Валерии и её сыночка выглядят настолько убого? Вряд ли мачеха стала бы жить в нищенских условиях, а это значит...

В голове созрел слегка безумный, но единственный возможный план. Пробраться в комнату к мачехе – кажется, вместе с прожженными магканалами я потеряла и остатки здравого смысла. Но другого выхода не было. Возможно, в её покоях я найду массу интересного и смогу использовать это против неё. Но это было опасно, настолько, что, застукай Валерия меня на месте преступления, она сделает всё, чтобы как можно скорее избавиться от ненавистной падчерицы, которая мешает её наполеоновским планам на пути к обогащению.

– Что-то давно Кассия не видела, – издалека обратилась к

Катерине, — он вообще появляется в доме?

— Приходит практически под утро и весь день отсыпается в своей комнате, — ответила та, накрывая одеялом эл Патрика, беспокойно постанывающего во сне, — госпожа Валерия столкнулась с ним, когда собиралась по делам. Вид у неё был крайне раздраженный, конечно...

— Думаю, папе лучше оставаться пока у меня, — обратилась я к Катерине, — приглядите, пожалуйста, за ним.

Крайне бледный вид эл Патрика заставлял меня не только изрядно нервничать, но и как можно скорее найти деньги на нового лекаря.

«Думай, Глория, думай!»

И тут я вспомнила! Конечно! Дверная ручка в комнате отца — я ещё в прошлый раз удивилась её массивности. Большая медная с резными узорами — на нее не повлияло ни время, ни алчный взгляд мачехи. Отчего её не тронули? Оттого, чтобы закрывать комнату на ключ, когда потребуется.

Поцеловала в мокрый от капелек пота лоб отца (чувствовал он себя явно паршиво, поэтому нужно было торопиться), оставила его на попечение Катерине, а сама направилась в мастерскую за инструментами. Умела ли Глория отвинчивать дверные ручки? Вряд ли. А вот Марие Ивановне, мастеру на заводе с двадцатилетним стажем — раз плюнуть.

Нужная мне отвёртка нашлась достаточно быстро. Теперь всё зависело от моего мастерства и скорости.

Чувствовала себя каким-то домушником, спешно отправ-

ленным на какое-то очень срочное задание. В принципе, так всё и было.

Подойдя к покоям отца, принялась за дело.

Медная ручка с резными элементами казалась новенькой. Артефакт? Скорее всего и завязан он на хозяев дома. Делал мой отец. Вон и маленькая завитушка из двух букв у основания – ПМ (Патрик Мэнес). Подозреваю, что открутить её мог только сам отец. Поэтому она и на месте. Если всё так, как я думаю, то за неё получится выручить больше денег.

Провела рукой по металлу, вздохнула и приставила отвёртку. Но провернуть её не получилось. Я ковырялась минут пять, пока до меня не дошло – все мои предположения оказались верны.

Так-с.

Мы с папой родные люди, может нужно пустить магию в ручку?

Эх.

Потянулась к средоточию в центре груди, потянула магию из маленького, практически пустого резервуара... больно было так, что я, тихо застонав, прижалась лбом к двери и, крепко сцепив зубы, остановилась.

Мне нужно было отдышаться и подождать, пока боль отступит.

Нахрапом не возьмёшь – каналы, по которым должна идти магическая энергия, во многих местах обрывались и сила, натываясь на тупик, причиняя мне сильные мучительные

боли.

– Потихоньку надо, Глория, – прошептала я, и потянула по одному тому каналу, что показался мне целым. Он был тоненьким, тоньше волоска, и длинным. По нему я и направила силу. Растянула горошинку из груди и дальше по вене в руку... капелька, светясь золотистым сиянием, перетекла на кончик указательного пальца. Стоило свечению впитаться в медную ручку, как та на мгновение вспыхнула и погасла. И уже после этого у меня получилось её открыть.

Магию я воспринимала, как продолжение себя, память и ощущения Глории слились с моим сознанием и не вызывали отторжения. Всё происходило естественно, легко и свободно.

Ловким движением руки выкрутила первый винт, удерживавший ручку. Болты охотно поддавались, падая один за другим.

Ещё несколько осторожных манипуляций, и заветные болтики были у меня на ладони. Осталось только снять саму ручку.

– Тяжелая такая, – с любопытством рассмотрев свой трофей со всех сторон, завернула его в кусок ткани, на всякий случай захваченный из мастерской, – думаю, у няни возникло бы множество вопросов касательно моих «умений», – хмыкнула про себя, убирая свёрток в глубокий карман платья.

Казалось бы, дело сделано и можно смело идти на рынок

продавать «товар», но мысль о том, чтобы тайком проникнуть в комнату мачехи, не давала мне покоя. Уж слишком заманчивыми были перспективы. К тому же, узнав о всех её гнусных планах, понимала, что на войне, как говорится, «все средства хороши».

В доме, помимо спящего мертвецким сном Кассия, отца и старенькой няни никого – что может помешать мне, кроме собственной неуверенности?

Оглядевшись по сторонам (теперь осторожность не помешает вдвойне), глубоко вздохнула и направилась в другое крыло дома, где мачеха и её горе-сыночек жили в своём обособленном мирке.

Как я и думала, покои Валерии были закрыты от посторонних любопытных глаз на крепкий дверной замок. При этом ручка также была тяжёлой медной, с характерными вензелями и оттиском мастера. Но магии во мне больше не было, да и цели отвинтить её в этот раз не преследовалось, мне нужно было всего лишь отомкнуть запирающий механизм.

Вздохнула, задумчиво глядя на дверь.

Что же ты скрываешь от всех нас, “дорогая” мачеха?

Никогда не позволяла себе такого самовольства, но чувство, что я вот-вот докопаюсь до правды, пробудили во мне невероятный азарт. Где-то вдалеке послышался приглушенный протяжный храп – еще одно доказательство, что пасынка отца сейчас и пушкой не разбудить.

Постаралась ещё раз открыть дверь – заперто. Магии в

средоточии не осталось, так что придётся ручками. Немного подумав, вытащила из своей причёски шпильку – «ключик» к двери найден.

Вот только я никогда в жизни не вскрывала замки самодельной отмычкой...

«Так же, как и не снимала старинные ручки с дверей, да?»

Вообще, открыть дверь без ключа проще простого – достаточно лишь одной шпильки и немного опыта. Ну, второго у меня не было, однако всё это с лихвой компенсировалось верой в успех.

Для начала выпрямила свое «орудие», разогнула концы и получила более-менее приличного вида проволоку.

Несказанно обрадовавшись, присела над замком, вставила самодельный ключ и...ничего.

Кругом обман! В сериалах и фильмах актер буквально несколько секунд сражается с запертой дверью и, кажется, что в этом нет ничего сложного.

Наивная. В какую бы сторону я ни крутила отмычку, заветный замок не поддавался. Вот только отпереть его с помощью ровной проволоки просто невозможно.

Подзависнув в раздумьях, решила согнуть кончик заковки.

Фантазия сразу представила себе замок со всеми его шестеренками и выемками. Прильнув глазом к узкому отверстию замка, попыталась понять, как именно нужно вращать заковку, чтобы сдвинуть их в необходимое мне положение.

«Взломщик-непрофессионал», – хохотнула про себя. В этот раз я уже более внимательнее и гораздо медленнее крутила шпильку. Процесс пошел куда лучше! Мне удалось нащупать те самые шестеренки и даже поднять некоторые из них. До заветной комнаты меня отделяла пара оставшихся штифтов.

Заветный щелчок привел в такой восторг, что я чуть не вскрикнула! Мои старания окупились с лихвой, и замок наконец-то поддался. Медленно и аккуратно, словно не веря своему счастью, нажала на ручку, и та с легкостью поддалась.

Глава 7

Логово зла – именно так я бы описала место, в которое так кропотливо старалась попасть. Находиться в комнате Валерии было так же неприятно, как и гневно осознавать, какой же контраст между бедными комнатами во всем доме и таким уютным уголком здесь.

Светлая, просторная, чистая – я как будто попала в другой мир. Еще раз.

Изумляться было некогда, поэтому, прикрыв дверь, ринулась к столу. Весь заваленный какими-то бумагами, письмами. Своими грязными и нечестными ручонками Валерия распорядилась бюджетом дома, как считала нужным, запустив его до нищенского состояния и превратив жильцов в бедняков. Всех, кроме себя и Кассия.

Привыкшая всё расставлять по полочкам, в голове очень назойливо сидел единственный вопрос: как же дедушка до сих пор не забил тревогу? Отец поддерживал весьма крепкую связь с ним, а зная осторожность и в чём-то мнительность эл Марика, последний давно бы уже докопался до истины!

Дедушка... приятные воспоминания детства оставили после себя очень теплые и яркие воспоминания. Дедушка точно поможет нам!

Неожиданно среди всего этого бумажного хлама на столе Валерии меня привлёк конверт с до боли знакомым адресом. «Поместье Ла Кроуа, господину Эл Марику».

Меня словно окатили ледяным душем. Рука сама потянулась к посланию. Неужели мачеха общается с дедушкой? Ему никогда не нравилась вторая пассия сына, поэтому об их общении и речь быть не могло – он в прямом смысле не переваривал свою новую невестку.

Вопросов с каждой минутой становилось все больше, и я, с мыслями о самом худшем, вытащила содержимое конверта. Хватило первой строчки, чтобы неистовая волна гнева захлестнула меня от кончиков пальцев до самой макушки.

«Дорогой отец, у нас все хорошо...»

И всё бы ничего, если бы эл Патрик собственноручно написал это.

Внимательно, словно через воображаемую лупу, я вглядывалась в каждую букву и завитушку, всё больше изумляясь коварству этой женщины. Насколько изумительно точно подделан почерк эл Патрика – неудивительно, что дедушка до сих пор не забил тревогу. Сколько продолжается такая «переписка» – месяц, два?

«Она явно не остановится на полпути» – подумала я, гневно швыряя конверт на стол. Конечно, стоило бы забрать «улику» и показать ее отцу, но сначала родителю нужно восстановиться – его чересчур одурманенная голова не понимает и половины происходящего.

Эмоции завладели мной, и я с остервенением принялась изучать содержимое всех выдвижных ящиков. В самом первом из них обнаружила большую кипу писем от бабушки – к сожалению, мои самые страшные опасения подтвердились. Эл Марик уже очень долго общается со своим «сыном».

Что Валерия рассказала ему и что узнала от него же? Все ответы хранились в этой кипе бумаг. Задумчиво посмотрела на них, решила вернуть их на место – гораздо важнее, что я знаю о двойной игре мачехи.

Продолжила рыться в ящиках, но более ничего интересного не нашла, даже завалящей монетки, закатившейся в самый дальний угол, и той не было.

В какой-то момент я встрепенулась – а который сейчас час? Часов в доме не было, но время точно близко к обеденному, поэтому стоит поспешить, если я хочу успеть завершить все дела и не нарваться на Валерию. Спешно привела стол в первоначальное состояние и, убедившись, что всё лежит на своих местах, поспешила покинуть комнату.

У меня впереди рынок, покупка билетов, посещение врача и отправка отца вечерним рейсом в поместье деда. Нужно всё успеть. Валерия возвращается домой после восьми вечера. Поторопимся! Меня не покидала уверенность, что встретиться отцу и мачехе никак нельзя, может случиться что-то нехорошее.

Немного успокоившись и собравшись с мыслями, заперла дверь в комнату мачехи, вернув замок в прежнее состояние.

– Катерина, – заглянула в свою комнату. Эл Патрик спал, в то время как няня своими силами старалась навести какой-никакой, но порядок в комнате, в которой, как мне казалось, сделать это было невозможно, – сколько будет стоить такая вещица?

С этими словами протянула экономке тканевый свёрток с весьма увесистым содержимым.

– Глория, – воскликнула она, поднимая на меня удивленный взгляд, – это же старинная ручка, ручная работа... – оглядевшись, словно боясь быть услышанной кем-то ещё, прошептала: – артефакт...

– Угу, – кивнула я в ответ, – сколько за него можно получить?

– Даже не знаю, – задумалась экономка, возвращая мне вещицу, – вы её сняли, это удивительно! Так-с, думаю, за два серебряника, и этого будет достаточно, чтобы вызвать лекаря для хозяина, купить необходимые лекарства и приобрести один билет на воздушник.

Это было самым главным.

Кивнув ей, достала выдавшую виды шляпку с полупрозрачной вуалью, нахлобучила её на голову, и отправилась на рынок.

Больше всего я боялась встретить знакомых людей и услышать те самые вопросы про внешность, которые ранили меня больше всего. Да, я жива, но какой ценой...

В столице Аллании всегда кипела жизнь. На главной пло-

щади выступали бродячие артисты, там же шла мелкая торговля, ходили зеваки, одинокие женщины, влюбленные парочки – в общем, жизнь тут шла своим, активным, чередом. Глаза то и дело останавливались на различного рода лавках, кафе, рестораниках – как же хотелось купить свежеспеченную булочку и не спеша прогуляться по аккуратно выложенной брусчатке!

Как же все-таки необычно были очутиться в столице, напоминающей французский городок начала 19 века. Все казалось таким обычным и одновременно новым, непривычным и захватывающим...

Хотелось многого, но я, затолкав свои желания куда поглубже, направилась на рыночную площадь с ратушей, располагающуюся чуть дальше площади с фонтанами. Там же величественно расположился главный собор Врески. К площади, словно вены к сердцу, тянулись узкие кривые улочки, тесно застроенные домами горожан. Неиспользованного пространства было не так много, каждая пядь земли была занята чем-то или кем-то.

В лавку артефактора заглянула в первую очередь. Внимательно рассмотрев «товар», торговец хмыкнул, и спросил:

- Дам одну серебряную монету.
- Да как же так? – воскликнула я, играя неудовольствие, – минимум пять!
- Ха! Две!
- Четыре!

– Три! И это моё последнее слово! Никто дороже не купит!

– По рукам! – довольно кивнула я.

– Привязка снята? – деловито уточнил мужчина, я задумалась на мгновение, прикоснулась к холодной ручке, не почувствовав никакого отклика, кивнула. Скорее всего в тот момент, когда ручка была сорвана с привычного места, она стала бесхозной.

– Вот и отлично! – довольно потеряв ладони, мужчина отсчитал три моих монетки и я поспешила за билетами и на поиски другого лекаря.

Вы когда-нибудь летали на воздушном шаре? Я нет, как-то в той жизни не довелось. Но наблюдая за этими неторопливыми гигантами по телевизору, закрывала глаза и старалась представить – каково это? В быту повседневности такие эмоции сродни глотку свежего воздуха. Головокружительное ощущение полета, невесомости и свободы. А какие виды открываются перед глазами! Словами не передать! Можно не спеша любоваться проплывающими пейзажами, вдыхать свежесть и чувствовать нежное прикосновение ветра.

Здорово? Вот только все эти мечты о далеком словно превратились в пыль и отошли на какой-то задний план, когда я увидела их – огромные, нет, просто гигантские воздушные корабли, припаркованные каким-то неведомым образом к высоким вышкам. Белоснежные красавцы спокойно застыли в воздухе и ждали своего часа отправки.

Чем ближе я подходила к воздушной станции, тем выше

взлетали брови от изумления и раскрывался от удивления рот. В мире Марии Ивановны дирижабли остались воспоминанием в фильмах. Возможно, на них можно было прокатиться на какой-нибудь обзорной экскурсии где-нибудь во Франции. В мире Глории же то, что казалось для меня раньше каким-то заоблачным пределом фантазий, было обыденностью – привычным транспортом от одного города в другой. Как самолет, только не столь скоростной, но не менее величественный и привлекательный.

«Где же касса?» – растерянno оглянувшись по сторонам, заметила небольшую будку с тянущейся на несколько метров вереницей людей. Удивительно! Ни одного недовольного человека. Никто не жалуется на огромную очередь – все покорно ждут своей возможности купить билет. Несколько непривычное зрелище после адски нервных очередей в кассах супермаркета.

Стоя в очереди, с любопытством разглядывала воздушный парк и лениво парящих в воздухе гигантов. Какая невидимая сила удерживает этих тяжеловесов в воздухе? Каждое судно словно застыло у своей вышки. Магия? Артефакты? А, возможно, законы физики и аэродинамики?

– Девушка, вам куда? – слегка нетерпеливо обратилась ко мне пожилая женщина-кассир – изучая все вокруг, я и не заметила, как подошла моя очередь покупать билеты.

– Два билета в город Випириль, пожалуйста, – быстро протянула серебряник и, спрятав полученные заветные бумаж-

ки во внутренний карман плаща, огляделась и присела на лавочку у кассы, и посмотрела на синее-синее небо, в его богатой глубине летали красочные дирижабли.

Во мне боролись два мира: один, в котором выросла Мария Ивановна, и в нём не было места волшебству, второй, где жила Глория Мэнэс, и он был пропитан чудесами. Моя душа технаря сопротивлялась иному, непонятному и сложному, тому, что нельзя было пощупать.

– Как быть? – прошептала я.

Ответ был на поверхности, и стоило принять его, как истину – нужно быть гибче, нужно принять тот неоспоримый факт, что я теперь не на Земле и даже не Марья Иванна. Я Глория, девушка-магиня, и мне необходимо спасти отца.

Хлопнув себя по коленкам, резко поднялась.

Нашла время заниматься самокопанием!

Пора работать. Следующий этап – отвезти эл Патрика к лекарю.

Глава 8

Вот только где искать лекаря?

С тем условием, что время поджигает и работает против меня, Я буквально физически ощущала, как оно убегает.

– Вот видишь, Питер, я же говорила, что эл Томас – прекрасный врач, – мое внимание привлекла какая-то молодая женщина, заботливо глядящая по голове мальчика лет пяти. Пока непоседа вытирал слезы, его мама тихонько бормотала под нос названия микстур, который выписал тот самый таинственный «прекрасный врач».

Возможно, сама судьба послала на моем пути подсказку, где именно искать помощь?

– Простите, – ноги сами понесли меня к этой симпатичной горожанке. Интуиция подсказывала – она точно поможет.

Женщина отвлеклась от чтения рецепта и с любопытством уставилась на меня. Я сразу заметила, как бегло, но очень внимательно она задержалась на моих чертах лица, и в глазах её отчетливо читались сначала удивление, а потом и жалость. Да, мне и без очередного подтверждения незнакомки было предельно ясно, что выгляжу я весьма так себе. Зато очень убедительно – возможно, она действительно проникнется и подскажет хорошего лекаря. Такой себе план – воспользоваться своей подурневшей внешностью, но все же.

– Я случайно заметила рецепт в ваших руках, – бросив взгляд на немного помятый кусок пергаментной бумаги, начала я, – мне очень нужен грамотный лекарь с магическими способностями. Возможно, вы знаете такого?

– Конечно, знаю! – её лицо расплылось в улыбке, – Эл Пикерстон моментально вылечил перелом ручки Вальтера, – в ответ, словно подтверждение, послышался детский всхлип (скорее всего, мальчик попросту испугался), – да и принимает он в паре кварталов отсюда. Улица Святого Патрика, третий дом. Думаю, вы сразу его отыщете у строения тёмно-красная черепичная крыша. Она там одна такая.

Какая прелестная женщина! Искренне поблагодарив человека, которого, кажется, прислала мне сама судьба, поспешила отправиться в указанном направлении.

Нужный дом нашелся сразу – не сколько по черепичной крыше, сколько по пациентам, выходящим из ворот этой частной лечебницы. Уютный дом, колодец во дворе и тянувшийся шлейф лекарств и чего-то приторно горького (микстуры никогда не отличались отменным вкусом) – я точно пришла по адресу.

Толкнула массивную деревянную дверь и оказалась в просторном холле. Внимание сразу привлёк огромный стеллаж с различными травами, какими-то настойками и высушенными кореньями. Внутренний критик сразу засомневался – а действительно ли такие сомнительные средства помогут папе восстановиться? Порой я забывала, в каком мире нахо-

жусь.

Кажется, старый лекарь не услышал прихода гостей.

– Господин эл Пикерстон?

– Да-да, сейчас... – словно откуда-то снизу послышался хрипловатый голос.

Эл Томас Пикерстон, пожилой лекарь лет шестидесяти на вид, с густыми седыми волосами и огромными очками, в которых и без того выразительные глаза казались ещё больше, вышел из подсобки, вытирая руки об фартук. Очки чуть сползли на кончик вздёрнутого носа, но, как только он заметил в дверях своего дома меня, быстро вернул их на место.

Старик внимательно рассматривал меня. Я старалась не обращать на это внимания.

– Помощь нужна не мне, – после этой фразы на наконец-то отвёл от меня свой взор, вроде как смутился, – отцу.

Вкратце и весьма спешно объяснила ему, что произошло с эл Патриком. Выслушав меня, не перебивая, лекарь достал какой-то блокнот, что-то, похожее на карандаш, сделал пару записей и подошел к стеллажу с лекарствами.

– Привозите своего отца, – не отрывая взгляда от стеклянных колбочек, пробормотал он, – я пока подготавливаю всё необходимое.

Выскочив радостно на улицу, в очередной раз впала в ступор. Достав оставшиеся деньги с продажи артефакта, вздохнула с облегчением – как раз должно хватить на всё необходимое. Спешно направилась на площадь, чтобы нанять по-

возку и купить какой-нибудь еды (есть похлебку уже не было сил).

Купив ароматную и свежеиспеченную буханку хлеба (еле сдержалась, чтобы не вонзить зубы и хрустящий мякиш немедленно!) и крынку молока, договорилась с извозчиком, заплатила медяк и спешно направилась домой. Медлить было нельзя – отца вместе с Катериной нужно было отправить к бабушке ровно до того, как домой вернется Валерия, обнаружит отсутствие мужа и испортит мой план по спасению родителя.

– Глория! – я буквально влетела в свою комнату, чтобы помочь Катерине и папе собраться как можно скорее.

Отец не спал, лишь молча лежал на кровати, то и дело хватаясь то за лоб, то за горло и слегка постанывая.

– Получилось, – кивнула экономке. Та поняла всё без лишних слов, – нам нужно поторопиться. Денег хватило на билеты, ты же собрала свои вещи?

– Да, Глория, девочка моя, всё готово.

Катерина предусмотрительно подготовилась к отъезду – вещей у двоих было мало, поэтому всё необходимое поместилось в одну маленькую сумку. Кое-как поставив взрослого мужчину на ноги, вдвоём помогли ему одеться и под руки повели к выходу. Кажется, ноги эл Патрика жили собственной жизнью, и отца приходилось в прямом смысле этого слова тащить на своих хрупких женских плечах. Когда в последний раз отец покидал стены дома, что стал ему тюрьмой?

– Как хорошо, – пробормотал эл Патрик, глубоко вдыхая весенний воздух.

– Скоро будет ещё лучше, папа, – пообещала ему, помогая занять место в повозке. Вести взрослого мужчину на худых плечах было непросто, особенно дважды за день, о чем недвусмысленно сообщила ноющая шея и поясница, – скоро лекарь вылечит тебя, потерпи немного. Потом я отправлю вас к дедушке. Вот увидишь, всё будет хорошо.

В этот раз дорога к лекарю заняла целую вечность. Сказывались мои переживания – за отца и успешность плана в целом. Поможет ли эл Пикерстон поставить отца на ноги? Сможет ли понять истинную причину такой невероятной слабости и тяги к спиртному? Вопросов всё больше, чего не скажешь о времени.

Увидев мертвенно бледного пациента, кое-как переставляющего ноги, старый лекарь шустро выдвинул из-за угла кресло, по своему устройству напоминающее инвалидное.

– Скорее его в мой кабинет, – эл Патрик бессильно плюхнулся на мягкую сидушку и вовремя – у него практически не осталось сил.

На последнем издыхании я помогла уложить отца на больничную кровать (чему явно была рада моя стреляющая поясница).

– Прошу не мешать, – лекарь подошел к пациенту и растегнул его рубашку. Нам с Катериной оставалось только наблюдать за процессом.

Впервые я в реальности, а не только опираясь на память Глории, смотрела, как происходит магическое лечение. В той жизни никогда не верила во что-то потустороннее и считала всех этих магов, знахарок и прочих недоэкспертов шарлатанами. А сейчас я своими глазами наблюдаю за самым настоящим волшебством.

Внимание старика было полностью сосредоточенно на пациенте. Доктор прощупал пальцами живот отца, приподнял тяжёлые веки, провел ладонями вдоль тела пациента – от макушки до кончиков пальцев ног. Клянусь, пару раз я замечала какие-то искры и вспышки между его руками и телом больного.

«Интересно, – задумалась я, – в тот момент, когда я сожгла магканалы, меня так же вытаскивали с того света?»

Я не сводила глаз с рук старика, сквозь которые чувствовалась сильная магия.

Прошло не меньше получаса, прежде чем врач закончил осмотр и, наверное, лечение? Было непонятно, что он вообще делает, а я не решилась задавать вопросы, пока лекарь был занят.

– У меня для вас нехорошие новости, – заговорил он, сполоснув руки и вытирая их белоснежным полотенцем, – эл Патрик был на грани жизни и смерти, ещё немного и его сердце остановилось бы. При этом ни одна маг экспертиза в мёртвом теле, не нашла бы следов альбеделлы. Удивительно вообще, как он до сих пор жив, поскольку эта трава обладает

сильнейшими свойствами, и её используют только целители в качестве болеутоляющего при отсутствии альтернативы и то в незначительных дозах, — задумался он.

— Вы сказали целители? — кажется, мои худшие опасения начинают оправдываться.

— Это достаточно редкая трава, — заговорил лекарь вновь, — и достать её не так-то просто. В чистом виде она смертельно опасна, поэтому её продают только лекарям. А сейчас я хочу приготовить одно зелье, — оно поможет вашему отцу прийти в себя. Но для этого потребуется пара месяцев. Пока он будет принимать настойку магичить не сможет, будет много спать и много есть. Горячий сытный бульон в его меню — обязателен!

Его более чем красноречивый взгляд на нашу одежду дал понять, какие сомнения одолевают эл Пикерстона касательно нашей способности всё перечисленное обеспечить.

— Я не так давно в вашем городе, не смогу вам помочь с поиском работы, ещё недостаточно знакомств, — вдруг сказал он, явно нас пожалев.

— Не волнуйтесь, мы отправим отца к родственникам, они смогут о нём как следует позаботиться.

— Что же, на всё ваша воля. А ещё я обязан сообщить об использовании альбеделлы не в лекарственных целях гвардейцам.

— А вот об этом мы с вами обязательно поговорим, но после того, как я посажу папу на дирижабль, который отлетает

через час. Вы ведь успеете приготовить лекарство?

Мужчина задумчиво на меня посмотрел и медленно кивнул:

– Да, мне нужно всего двадцать минут. Подождите меня здесь, будьте добры, – и вышел из помещения.

– О-хо-хо, – качая головой, Катерина подошла к эл Патрику и погладила того по плечу, – это что же такое творится-то?

Я промолчала, самой бы хотелось знать, хотя догадки у меня уже были.

Забрав микстуру и рецепт к ней, заплатила лекарю полтора серебряника (в этот момент жабка чуть меня не придушила, но здоровье отца было куда важнее всего остального), мы направились на воздушную станцию – дирижабль в Випириль совсем скоро отправится в путь.

На воздушнике яблоку негде было упасть – я как будто снова очутилась на вокзальном перроне.

Пока у нас оставалось время до отбытия судна, подошла к лавке, чтобы купить в дорогу необходимый провиант – в пути обязательно захочется поесть, да и отцу необходима нормальная еда для скорейшего выздоровления.

– Дирижабль до Випириля отходит через десять минут, – неожиданно громко прозвучало из невидимых мне динамиков.

Вживую судно казалось ещё громаднее. Удивительное летательное средство! Тем временем судно невесомо опусти-

лось на уровень площадки, где стояли ожидающие пассажиры. Спустя пару минут от судна откинулся складной трап, и вереница людей спешно направилась внутрь дирижабля, чтобы скорее занять свои места – прямо под огромным «телом» воздушного исполина располагались двухэтажные каюты.

Я насчитала около 30 мест.

Отдав Катерине провизию, вытащила оставшиеся деньги и протянула ей же.

– Понадобятся, нянюшка. Берегите себя и ухаживайте за отцом, как следует. А я тут закончу все дела и мигом отправлюсь к вам, будьте уверены.

Но Катерина не успела ответить, папа распахнул глаза и посмотрел на меня:

– Глория, – эл Патрик чуть порозовел, видать лекарство подействовало, и ему стало чуть полегче – оставь монеты себе... Ох, что же я такого натворил, женившись на Валерии...

– Папа, – сжав его руку в своей, вздохнула и как можно беззаботнее улыбнулась, – тебе сейчас нельзя нервничать, ты должен поскорее выздороветь. За меня не волнуйся, твоя Глори выросла и сможет за себя постоять. А деньги всё же возьмите, вам ещё нужно добраться до поместья. Пригодятся.

Эл Патрик хотел было воспротивиться, но получилось у него слабо – принятая у лекаря микстура кроме лечебного действия, обладала ещё и седативными эффектами. В итоге

папа вяло кивнул и снова прикрыл веки, погружаясь в глубокий исцеляющий сон.

Отдав Катерине провизию, быстро её обняла, придав к себе хрупкую старушку.

– Глория, – женщина тихо всхлипнула, – как же ж ты тут без меня?

– Всё будет хорошо, не нужно плакать. И обязательно пришлите мне весточку по прилёту, – обняла няню в ответ, – и расскажите дедушки о случившемся. Он должен знать правду.

Чмокнув нянюшку в морщинистую щёку, я поспешила покинуть судно. Как только мои ноги коснулись перрона, дирижабль с лёгким гулом начал подниматься вверх – медленно, неторопливо и как-то по-исполински торжественно. Провожая глазами улетающего отца, я наконец-то почувствовала облегчение.

«Успела»

Домой возвращалась невероятно окрыленной, хотя прекрасно понимала, какой скандал устроит мачеха, обнаружив пропажу драгоценного мужа, а точнее «билета» в свою безбедную жизнь.

Уже сидя в карете, развернула свёрток, который мне в руки вручил отец: эл Патрик, чтобы спасти свою единственную дочь, составил запрет выходить замуж до позволения самого эл Патрика или эл Марика. Не просто бумага, а заверенный магией артефакт – после лечения врача эл Пикерстона, отец

сумел найти крохи силы и поставить на документе свою магическую печать.

«Теперь планам Валерии не суждено сбыться», – ехидно улыбнулась я и спрятала пергамент в глубокий карман платья.

Глава 9

С доктором элом Томасом Пикерстоном договорились встретиться рано утром в нашем особняке. Почему так? Да потому что мачеха по своему обыкновению ходила “навещать” отца с утра пораньше и именно тогда она должна обнаружить пропажу.

Не успела я войти в дом и пересечь некогда прекрасный холл, как услышала:

– Так-так-так! И где же ты была, Глория? Глянь в окно, уже глубокий вечер! Неприлично девушке твоего статуса бродить по тёмным улицам, – проворчала мачеха.

Зала тонула в полумраке, светляки, что должны были гореть, нервно мигали, им явно требовалась подзарядка, но, естественно, денег у мачехи на это не было, а вот, на то, чтобы прикупить шикарное платье тёмно-бордового цвета из мягкого шёлка у неё нашлось. Мачеха выглядела замечательно: высокая причёска, тонкие кружевные перчатки до локтя – она точно уделила себе достаточно времени.

Тем временем Валерия, прищулив глаза, внимательно за мной наблюдала, стоя на самом верху парадной лестницы. Ткань её наряда мягко переливалась, намекая на свою дороговизну.

– Вы куда-то собрались, матушка? – сдерживая ехидство,

спросила я, стараясь отвлечь её от моей персоны.

– Да, сестричка, – несколько вальяжно произнёс Кассий, появляясь в поле моего зрения. Предложил матери руку и они оба принялись медленно спускаться по лестнице. Оказавшись напротив меня, братец фривольно мне подмигнул.

– Мы уходим на званый ужин, – оповестила меня Валерия, – я звала Катерину, чтобы та помогла мне с причёской, но она так и не появилась. И где эту старуху носит? Может, совсем оглохла? Надо бы уволить её, с такой служанки никакого толку, только лишний рот кормить.

Я терпеливо молчала, хотя во мне всё кипело и клекотало. Ну погодите же у меня. Оба.

– Пойдём, Кассий, нам пора, – больше не обращая на меня внимания, вдруг засуеуилась мачеха, кинув взгляд на дешёвые настенные часы, что висели над входной дверью.

Молодой человек, словно не слыша её, пристально вглядывался в мою вуаль, а потом вдруг подшагнул ко мне практически вплотную и тихо сказал:

– Мать сказала у тебя внешность пострадала, да и магканалы твои сгорели, ты теперь не эль, а обычная девчонка, – и, резко сорвав шляпку с моей головы, причинил мне боль. Я тихо и зло зашипела, хотелось тут же наступить ему на ногу, едва сдержалась, иначе эти двое быстро скрутят меня и посадят под замок в качестве наказания, такое уже бывало с самой Глорией, а мне сейчас необходима свобода передвижения.

– Ох и страшна же ты стала! – воскликнул он изумлённо и... радостно. Никогда на дух не переносила людей, что чувствовали своё превосходство над другими только потому, что красивее внешне. – Мама, ты уверена, что эл Родри Вардисон согласится взять столь... ммм... попорченный товар?

– Уверена, – фыркнула та, поправляя прядь волос, – он предупреждён.

– Ясно, фигурка, правда, осталась прежней, а голову можно и прикрыть, чтобы не смущаться, – хохотнул Кассий и, еще раз брезгливо осмотрев моё лицо, отодвинулся, – мама, карета уже должна была подъехать, поспешим.

Доставать документ, выданный мне отцом, не стала. Ещё не время и не место. Нужны свидетели и вообще у меня был план, стоило его придерживаться.

Не успела дверь за родственничками захлопнуться, я устало и облегчённо выдохнула. Какие же они оба гадкие, мерзкие. Повезло же с родственничками, с такими и враги не нужны.

Необходимо отвлечься, не стоит тратить нервы на них, пойду-ка лучше приготовлю что-нибудь перекусить, а после загляну в отцовскую мастерскую, погляжу, что за старинные напольные часы нужно починить – деньги от заказа точно лишними не будут.

А ещё я передумала ехать к дедушке в поместье.

Вот завтра разберусь с Валерией и её сыночком, и займусь приведением отцовского дела в порядок. Его имя силь-

но запятнали, нужно обелить и вернуть доверие среди старых клиентов и найти новых.

Кухня была погружена во мрак. Хлопнула в ладоши и через несколько секунд один светляк, пару раз судорожно мигнув, всё же заработал, тускло освещая убогую нищенскую обстановку.

– Не было печали, – пробормотала я, открывая ящики: две луковицы, одна тощая морковка, которую стало искренне жаль, и крупа на самом доньшке деревянной тары.

Качая головой, включила магплиту, индикатор наполненности энергией показал красный свет – срочно требуется отнести артефактору на подзарядку. Наполнив кастрюлю водой, поставила греться, занялась овощами и теми продуктами, что нашлись. Будет у меня супчик. Диетический. Хохотнув горько, принялась за готовку.

Перекусив совсем уж лёгким ужином, вымыла посуду и отправилась в кабинет отца. По дороге думала, зачем Валерии понадобилось доводить всё до такого абсурда? Ведь должна быть внятная причина? Однозначно! Понять бы, какая именно.

Напевая тихую мелодию из своего детства, прикоснулась к мигом потеплевшей ручке двери. Артефакт был завязан на меня и отца, замочек едва слышно щёлкнул, давая понять, что я могу войти.

Утонувшее во мраке помещение чуть напугало. Я хлопнула в ладоши и два светляка мигом зажглись, правда, всё

же мигнув перед этим пару раз. Но их свет был гораздо ярче всего встреченного мною ранее.

Напольные монструозные часы стояли у противоположной от меня стены. Их размер внушал уважение, а дорогое красное дерево недвусмысленно намекало на стоимость. Подойдя ближе, огладила гладкий корпус, взгляделась в прозрачное стекло дверцы, за которой замер золотой тяжёлый маятник.

Для того, чтобы вынуть механизм из часов, отворила дверцу, вся начинка обычно располагалась спереди, но, как оказалось, с лицевой стороны подобраться к «внутренностям» не удастся. Необыкновенно. Постояла, задумчиво покусала губы, всё же во мне сейчас веса практически и нет, так, одна тень осталась на таком-то питании – посему сдвинуть этот, грубо говоря, шкаф, мне не удастся, нужен помощник, и желательно не хилый какой-нибудь, а сильный.

– Значит, не сегодня, – нахмурилась я, погладила блестящий циферблат, красота какая! И тут в глубине блеснули витиеватые инициалы ПМ. – Так вот, кто создатель. Мой отец...

Обратилась к памяти Глории, эл Патрик был когда-то первым среди мастеров артефакторов, первый во всём, новинки тоже вводил он. Был в тренде, как сказала бы молодёжь в моём мире.

И тут меня осенило!

А, может, кто-то давился самой чёрной завистью к успеху

мужчины... ооо, какие мысли промелькнули в моей голове и все они были далеки от радужных. Нужно допросить мачеху, очень хорошенько расспросить.

Загруженная невесёлыми думами, огляделась. Кроме часов, отданных в ремонт их же создателю, в комнате стояла старая, хлипкая табуретка, стол с кривой покоцанной столешницей и разложенными на ней инструментами: гаечный ключ, отвёртка и выдавшая виды в грязных пятнах тряпка.

Вздыхнула печально, дважды хлопнула в ладоши, гася свет и отправилась к себе. Выйдя за дверь, проморгалась, привыкая к царящему в коридоре мраку. Дом был пуст и ничем не освещался, нагоняя на меня тоску.

Я смотрела на всё глазами Глории и в груди щемило от того, каким стал дом её детства – девушка выросла в этих стенах, да она родилась здесь, чего уж там. Во что алчность и недалёкий ум превратили некогда процветающее поместье? Ломать – не строить, в который раз жизнь подтверждает эту пословицу наглядным примером.

Войдя к себе, подошла к столу и зажгла свечу в допотопном шандале. В этой комнате светляки давно разрядились.

Переодевшись в удобное платье, отправилась в уборную, привела себя в относительный порядок: сполоснула лицо, руки, шею, и в итоге всё же почувствовала себя получше – день выдался нервный, какой-то дёрганый, всё бегом да бегом, столько всего нужно было успеть! И мы справились. Я справилась. Осталось пережить завтрашнее утро – доктор обе-

щал прийти с гвардейцами, будет допрос, обыск, и я очень сильно надеялась, что в комнате Валерии найдутся неопровержимые доказательства её вины.

Легла на кровать, думала, что рой мыслей, блуждающий в моей голове, не даст уснуть, но стоило прикрыть веки, как я незаметно для себя уснула крепким сном, уставшего за день человека.

Утро красит нежным светом... Солнечный луч стрельнул прямо в мои веки, заставив поморщиться и отвернуться от окна. А потом я услышала крик и одновременно громкий настойчивый стук во входную дверь.

– Глорияяя!!! Катериина!!! – надрывалась мачеха, видать обнаружила пропажу. Комната отца была в одном со мной крыле в самом конце коридора, поэтому вопли Валерии я прекрасно слышала.

Заполошно подскочив, заметалась по комнате, натягивая дневное платье – тихо чертыхаясь и даже пару раз крепко ругнувшись на все эти многочисленные завязочки и мелкие пуговички. В итоге справилась и, довольная, что получилось довольно быстро, помчалась на всех парах к тем, кто пришёл в столь ранний час к нам в гости.

У выхода из своей комнаты столкнулась с красной от гнева и паники Валерией:

– Твой отец! – нервно дёргая рукав своего светло-голубого муслинового платья, заговорила она, в голосе слышались неподдельные нотки паники, – пропал!

– Да? – сделала я лицо кирпичом. – Может, в уборную пошёл?

– Нет! Его там нет, я проверила!

Тут снова раздался настойчивый стук во входную дверь и я, изобразив на лице обеспокоенность, заметила:

– Стоит посмотреть, кого там принесло в такую рань, а потом уже заняться поисками отца.

– Да, да, ты права! Иди, открой быстрее! – тут же раскомандовалась она, – кого это в такую рань принесло! – продолжила возмущаться мачеха, следуя за мной буквально по пятам. – Порядочные люди в это время по гостям не ходят! И где это носит твою няньку, её обязанность отворять дверь! Ух и доведёт же она меня! Надоела эта глухая старуха!

Стараясь не слушать противный голос Валерии, кубарем скатилась с лестницы – настолько торопилась убедиться, что это доктор эл Пикерстон, и у самой двери, резко притормозив, постаралась унять гулко бьющееся сердце.

Схватила за ручку и дёрнула створку на себя.

– Доброе утро, госпожа! – белозубо улыбнулся мне симпатичный молодой мужчина в форменной одежде королевского гвардейца. Высокий, широкоплечий, он галантно снял шляпу и чуть поклонился. – С кем имею честь говорить?

Глава 10

Но улыбался он недолго, стоило ему разглядеть моё лицо, как уголки губ поползли вниз, в глазах мелькнула сначала безразличность, а после и вовсе жалость.

Вот чего-чего, а этого я не любила никогда.

Сделав вид, что не заметила смены эмоций на его симпатичном лице, спокойно ответила:

– Доброе утро, сэр гвардеец. Меня зовут эль Глория Мэнэс...

Но договорить мне не дали, послышался топот и к двери подбежали ещё трое человек.

– Доброе утро, эль Глория! – из-за спины гвардейца вынырнул запыхавшийся доктор эл Томас Пикерстон собственной персоной, в сопровождении ещё двух стражей порядка. Они все имели вид несколько потрепанный, словно сильно спешили и страшно опаздывали.

– Я свой саквояж забыл в наёмном экипаже, вот пришлось за ним побегать, но без помощи молодых людей, уехали бы мой чемоданчик в дальние дали, – добавил мужчина, отвечая на мой невысказанный вопрос.

– Все в сборе? – окинул их строгим взглядом тот, кто даже не счёл нужным представиться и, словно вспомнив о правилах приличия, обернулся ко мне, и слегка поклонившись,

сказал: – Позвольте представиться, эль Глория, капитан Себастьян Брок...

– Как же вы вовремя! – меня грубо оттолкнули от двери. Валерия имела вид растрёпанный и встревоженный. Интересно, о чём она думает? Догадалась ли?

– Проходите в дом, я хозяйка, госпожа Валерия Мэнэс, и у нас беда. Мой супруг пропал! Прошу вас, отыщите его! – правдоподобный всхлип и не менее трагичное заламывание рук, не зная я эту женщину, то точно повелась бы.

Мужчины растерялись. Как не посочувствовать хрупкой незащитной женщине? Вот они и посочувствовали, все, кроме эл Томаса.

– Госпожа Валерия, вашего супруга я видел вчера во второй половине дня – он был у меня на приёме, я лично провёл обследование, подлечил его и выписал лекарства, – с каждым его словом лицо мачехи вытягивалось всё сильнее, – и в данный момент, насколько мне известно, эл Патрик в полной безопасности, – вопросительный взгляд в мою сторону. За ним на меня посмотрели и все остальные: гвардейцы заинтригованно, а Валерия ненавидяще – явно догадалась, что дело пахнет весьма неприятно и может иметь крутые последствия, в первую очередь для неё. Но нужно отдать ей должное – она быстро взяла себя в руки, нацепив на лицо маску непроницаемую маску.

– Да, всё в порядке, эл Томас. Отец в надёжных руках и вскорости прибудет на место, и обязательно отправит мне

письмо о своём состоянии, – спокойно ответила я.

– Мы прибыли по донесению доктора эл Томаса, – заговорил капитан Брок, нарушая повисшую напряжённую тишину, – прошу вас, созовите всех домочадцев для беседы. Есть ли у вас кабинет, госпожа Глория? Думается мне, там было бы удобнее. Но если нет, мы можем постоять и здесь.

– Глория, сопроводи господ в библиотеку, – не глядя на меня, скомандовала она. – А я схожу за сыном, – гордо и надменно, как королева Севера, мачеха, резко развернувшись, принялась неспешно подниматься по лестнице на второй этаж.

– Простите, госпожа Мэнэс, – окликнул её капитан, улыбнувшись в светлые аккуратные усики, – позвольте, мой помощник составит вам компанию. Дабы уберечь вас от необдуманных поступков. Поверьте, пока мы не разберёмся во всём, что произошло, каждый член семьи останется под наблюдением.

Валерия негромко фыркнула на заявление Брока и, даже не обернувшись, продолжила подъём. Следом за ней отправился один из мужчин.

А я более уважительно глянула на красавчика. Хотя, он делает свою работу, всё просто и понятно для него, я бы так её и отпустила, наверное.

Едва заметно нервничая, провела людей в библиотеку. Как дело обернётся? Получится ли у нас с доктором уличить мачеху во лжи? Неизвестно.

Прикоснувшись к бронзовой ручке, почувствовала привычное тепло – артефакт признал во мне хозяйку, затем тихо щёлкнуло и дверь с негромким скрипом отворилась.

Гости один за другим втянулись в полупустое помещение, изумлённо оглядываясь. Мебели в библиотеке практически не было, кроме старого стола у стены и длинного потрёпанного дивана подле него.

Но...

Не бедность обстановки привлекала внимание, вовсе нет...

Книги на полках впечатляли своим количеством, а некоторые и древностью корешков.

Мачеха ни одной из них не продала.

Память Глории услужливо подсказала – каждый фолиант привязан к своему хозяину – эл Патрику. И пака он жив или пока он лично не продаст их, утащить книги из этого дома просто невозможно.

– Присаживайтесь, – пригласила я их, кивнув на диван, а для себя подтащила старый стул с шатающейся спинкой, поставила его напротив столь долгожданных гостей, присела, расправила платье и задумчиво посмотрела в окно, ничем занавешенное, вид неухоженного сада удручал.

– Эль Глория, – обратился ко мне капитан, отвлекая от созерцания двора, его глаза были серьёзны, а вид сосредоточен и даже хмур, – почему вы не оставили эл Патрика здесь, в городе? Было бы гораздо проще, если бы мы могли с ним

пообщаться лично.

– В тот момент не подумала об этом, спешила отправить его к бабушке, эл Марику грозит опасность, хотелось успеть. И я не уверена, что здесь папа сможет чувствовать себя в полной безопасности, женская интуиция, предчувствие? Не знаю, как объяснить, но чувствую, что поступила правильно.

– Ясно, – вздохнул мужчина, – эл Патрик старый знакомый моей бабушки, он когда-то, очень давно, подарил ей совершенно необыкновенные часы, которые подняли ей настроение в период сильной печали. Считаю делом чести довести ваше дело до конца.

– Благодарю! – кивнула я благодарно.

– Как вы себя чувствуете, эль Глория? – спросил доктор.

– Вроде хорошо, эл Томас, – вздохнула я, – чуть тянет в груди и ноют руки, особенно правая.

– Ваши магканалы ещё не зажили полностью, вам сейчас нужен покой, а не вот это вот всё, – качая головой, заметил он. – Как разберёмся с делом вашего отца, позвольте я вас осмотрю.

– Мне нечем вам...

– Бросьте, эль Глория, неужто я такой корыстный, по вашему мнению? – обезоруживающе улыбнулся мужчина. Вот мир не без добрых людей, в который раз убеждаюсь!

– Эл Патрик, тогда не откажите в ответной услуге, библиотека моего отца просто невероятная. И с моего разрешения, вы можете взять несколько книг для чтения.

Эл Томас сначала недоверчиво на меня посмотрел, а потом не выдержал и вскочил, эмоционально всплеснув руками:

– Конечно, я не откажусь от вашего щедрого предложения, эль Глория! Кто же в своём уме откажется-то? Только не я!

На моих губах сама собой расцвела улыбка, настолько мужчина выглядел воодушевлённым.

– Значит, договорились, – подмигнув ему, встала – послышались шаги и в дверь твёрдой походкой вошёл Кассий (на удивление он был трезв, как стёклышко), за ним Валерия и в самом конце в библиотеку шагнул давешний гвардеец. Он плотно прикрыл за собой дверь и замер рядом с ней, положив руки на эфес короткой сабли, висевшей у него в ножных, прикреплённых к ремню.

Капитан уже стоял подле письменного стола, и, приглашающе кивнув на диван, заговорил:

– Доктор эл Томас Пикерстон ещё вчера отправил в отделение МГП (Магпол) письмо с магпечатью, подтверждающее всё им написанное, что эл Патрик Мэнэс в течение долго времени принимал вещество под названием альбеделла, как вы все знаете, этот препарат запрещён для повсеместного использования. Применять его в лечебных целях могут только целители. И выдаётся он также только им.

– Я не знала ничего об этом! – вскричала Валерия, глаза мачехи мгновенно наполнились прозрачными слезами, ниж-

няя губка задрожала, откуда-то в её руках возник белый кружевной платочек, который она картинно приложила сначала к глазам, а потом и к носику. – Быть того не может! Но Патрик пил, ему всегда доставляли одно и то же вино. Может, там эта отравка и присутствовала? Нужно срочно допросить поставщика!

– Эти бутылки, Валерия, каждое утро к нему приносили именно вы, – негромко, но твёрдо произнесла я. – Лично видела.

В голубых глазах женщины вспыхнула такая ненависть, что я на мгновение испугалась, как бы не кинулась на меня с кулаками – сейчас я точно не боец.

– Мы во всём разберёмся, эль Глория, – продолжил спокойно, безэмоционально говорить Брок, – Ганс, Верн, проверьте жилые комнаты в доме. Дозволяю использовать артефакты поиска. Госпожа Валерия, вы обязаны открыть им все двери, на вас завязаны, как на хозяйку, все ручки-артефакты.

Я же следила за Кассием, тот был необычайно бесстрастен и уверен в себе: он сидел, развалившись на диване, и с полуулыбкой разглядывал свои ухоженные ногти.

Стражи ничего не найдут, мелькнула паническая мысль. Эти двое не так просты, как хотели казаться.

Ждали мы их чуть меньше получаса, мужчины вернулись задумчивые и даже несколько расстроенные. Валерия была бледна, но в целом выглядела спокойной.

– Капитан Брок, ни в одном из помещений, даже на чер-

даке, не найдено следов альбеделлы. И в бутылках, что остались в комнате эл Патрика Мэнэса, также её не обнаружено.

Моё сердце ухнуло. Как же так?

Тишина и победные выражения лиц мачехи и её дражайшего сыночка заставили меня поморщиться от досады.

– Остаётся артефакт правды, – пожал плечами Брок, и только вот тут-то Кассий вздрогнул, а Валерия натуральным образом чуть не хлопнулась в обморок – эл Томас успел подхватить ослабевшую женщину и осторожно усадил её на диван.

– Не имеете права, для этого необходимо постановление суда! – голос Кассия дал петуха, глаза «брата» забегали, как две тёмные мышки, в поисках заветной норки.

– Свидетельства доктора эл Томаса вполне достаточно для его получения. Поэтому собирайтесь, вы все отправляетесь в отделение центрального Магпола.

Я спокойно поднялась со своего стула и сказала:

– Ведите, сэр Брок, мне нечего скрывать, у меня только одна цель – хочу знать всю правду, какой бы она не была, – краем глаза я заметила, как позеленела от злости Валерия, и вдруг отчего-то стало легко на душе, сегодня я точно всё узнаю!

Глава 11

– Ты ещё об это пожалеешь! – прошипела мачеха, сверля меня потемневшими от ненависти и гнева глазами. – Вы все пожалеете!

– Да, непременно, госпожа Валерия, – капитан Брок был сама учтивость и холодность, стальные нервы у мужика, я вот, например, и правда несколько испугалась, кто его знает, на что способна эта гадюка? Ведь рука-то не дрогнула топить собственного мужа, смотреть на то, как ему с каждым днём становится всё хуже. Валерия страшная женщина! Она монстр, даже хуже. – Если вам нечего скрывать, то артефакт всё это и покажет, при таком раскладе каждый сотрудник моего отделения непременно принесёт вам публичные извинения. Письменно и в колонку «Вести Врески».

Мачеха лишь прищурилась на него, дёрнула левым уголком рта и, резко развернувшись, шагнула в сторону выхода, Ганс предупредительно распахнул тяжёлую дверь и приглашающе повёл рукой.

Библиотека располагалась на первом этаже особняка. Мы практически гуськом потянулись в коридор: первыми вышли Кассий и Валерия, за ними плавно и бдительно двигались Ганс и Верн, затем мы с доктором и замыкал шествие капитан Брок.

Шаги нашей небольшой кавалькады, отражаясь от голых стен, эхом раздавались по дому.

– Подождите мгновение, – попросила я капитана и доктора, – головной убор возьму.

– Мы будем подле дома, эль Глория, – кивнул Брок и вышел из особняка.

Я же рванула к хлипкому шкафу, вынула шляпку с вуалью и на ходу нахлобучила на свою неказистую причёску.

– Готовы? – уточнил эл Томас, как настоящий джентльмен, он ждал меня около дверей и столь же вежливо её распахнул. Благодарно ему кивнув, вышла наружу, на залитую ярким светом площадку.

Проморгавшись, тут же увидела всех остальных: гвардейцы стояли молча с каменными лицами и мачеха с Кассием в центре полукруга – они оба старались выглядеть независимо, но страх в их глазах был настолько явным, подтверждая мои самые смелые предположения.

– Карета уже ждёт, – объявил капитан Брок, – следует поспешить.

Мы слаженно направились к железным кованым воротам, за ними виднелась большая грубо сколоченная карета, запряжённая двойкой вороных коней.

В тот самый момент, когда мы практически достигли вместительного экипажа с гербом местной полиции на дверцах, поблизости что-то громко жахнуло, да так, что у меня в ушах зазвенело. Не успела я унять панически заколотивше-

еся сердце, как следом за страшными звуками со всех сторон в нашу сторону повалил густой, дурно пахнущий зелёный дым. Я, неосознанно вдохнув отравы, медленно осела на каменистую дорожку, рядом со мной плюхнулся эл Томас. Он что-то бормотал и водил руками, словно пытался взлететь.

– Эль Глория, ползите ко мне, – услышала я его сип, на голом упрямстве послушалась, перевалилась на бок, потом встала на четвереньки и в два медленных «ползка» оказалась рядом с доктором. Стало легче дышать, что-то едва заметно мерцало, в глазах прояснилось, и в лёгкие поступил свежий, так необходимый мне воздух. Жадно задышала, стараясь унять бешеный стук сердца, затем с трудом разлепила глаза, пытаясь хоть что-то рассмотреть – но тщетно. Всё тот же болотный туман, густой и вязкий, как кисель.

А затем я, словно сквозь вату, услышала вскрик Валерии, неясный топот и звон стали. Кто-то не так далеко от нас явно с кем-то сражался.

– Старайтесь не двигаться, – прошептал эл Томас, держа одну руку перед собой, а другую на моём плече. Было видно, как творимая им магия отбирает у него все силы, пот градом стекал по его вискам и вниз на крахмальный белоснежный воротничок, верхняя губа подёргивалась, пальцы, сжимавшие моё плечо, дрожали, лицо побледнело до синевы.

Стараясь не шевелиться, я двигала только глазами, пытаюсь понять, что происходит, напрягала слух до головокружения, но ситуация не изменилась – не видно было ни зги. И

тихо стало до жути.

Сколько мы так просидели? Минуту? Десять? Но всё когда-нибудь имеет свойство кончаться, и наше ожидание также подошло к концу.

Раздался залиvistый свист, затем какой-то тёмный предмет стукнулся о щебень у наших ног, зашипел и споро втянул в себя ядовитый газ, очищая пространство вокруг и возвращая видимость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.